

ЛЕВ
ШЕЙНИН

ВОЕННАЯ ТАЙНА
МИРНОЕ ВРЕМЯ...

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Лев Шейнин

Военная тайна. Мирное время...

«Алисторус»

1959

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Шейнин Л. Р.

Военная тайна. Мирное время... / Л. Р. Шейнин — «Алисторус»,
1959 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00222-011-3

Апрель 1945 года. Американская разведка решает добыть информацию о сверхсекретном советском проекте «Л-2» — ракетном оружии, которое еще до войны начал разрабатывать инженер Леонтьев. Аналогичная попытка, предпринятая немецкой разведкой — операция «Сириус», закончилась неудачей. Может вторая попытка окажется удачной? Ведь немецкие разведчики, которых привлекли к новой операции, должны учесть свои предыдущие ошибки. Продолжение романа Льва Шейнина «Военная тайна. В дни войны». Прототип главного героя романов инженера Леонтьева — советский конструктор установок для ракетного оружия, в т. ч. и знаменитой Катюши», Иван Гвай.

УДК 327 (1-87)

ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00222-011-3

© Шейнин Л. Р., 1959

© Алисторус, 1959

Содержание

Нормальная жизнь	6
Последний акт	16
Новые хозяева	26
Двоюродный брат	45
Новое назначение	55
Вторая встреча	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Лев Шейнин

Военная тайна. Мирное время...

© Шейнин Л. Р., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Лев Романович Шейнин (1906—1967) – советский юрист, писатель и киносценарист. С 1923 года по 1949 год – в органах юстиции, прошел путь от следователя московского губернского суда до начальника следственный отдела Прокуратуры СССР.

* * *

Нормальная жизнь

Господин Крашке, случайно встреченный и опознанный лейтенантом Фунтиковым в маленьком городке в Восточной Пруссии, при первом же допросе в армейской контрразведке поспешил сознаться.

Да, он действительно не аптекарь, а старый сотрудник гитлеровской разведки. Да, господин лейтенант, который его опознал, увы, абсолютно прав: именно с ним, Гансом Крашке, стряслась эта скандальная история на Белорусском вокзале в Москве в мае 1941 года, когда у него выкрали бумажник с плёнкой, на которой были сфотографированы чертежи нового советского орудия “Л-2”.

Теперь, будучи задержан, он, Ганс Крашке, заверяет уважаемого господина следователя, что не намерен решительно ничего скрывать от советской контрразведки и будет показывать, как говорят криминалисты, всю правду, одну правду и только правду... В этом маленьком городке он обосновался несколько месяцев назад под видом аптекаря по заданию разведки. Он собирался сообщать отсюда о количестве военных частей, проходивших на запад, об их вооружении.

Следователь слушал Крашке очень внимательно, задал целый ряд уточняющих вопросов и написал потом длиннейший протокол, который Крашке, хорошо знавший русский язык, лично прочёл и подписал.

Было уже довольно поздно, когда допрос закончился и Крашке отвели в комендатуру, где он временно содержался.

Молодой, румяный, как девушка, солдат принёс арестованному котелок с кашей, хлеб и коротко сказал:

– Вот, фриц, поешь и спать заваливайся. Одним словом, шляфен... И тебе лучше, и мне верней. Ферштеен зи?

– Господин солдат, вы можете говорить со мной по-русски, – ответил Крашке. – Я свободно владею русским языком...

– Да ну? – удивился солдат. – Где же это ты по-нашему говорить выучился?.. И для какой надобности?..

– О, я много лет прожил в России, – сказал Крашке. – Я даже имел, господин солдат, русскую жену... Это было давно, очень давно, когда я был таким же молодым и румяным, как вы, господин солдат... А теперь я больной и несчастный старик, доживающий свои последние дни... О да...

– Что ж ты, в шпионах состоял, значит? – хмуро спросил солдат. – Недаром тебя, старого чёрта, замели...

– О нет, господин солдат, – решил на всякий случай соврать Крашке, заметив, как помрачнел солдат. – Я просто тогда работал в России. И очень люблю вашу страну. О да!.. Я друг России, даю вам честное слово!..

– Избави нас бог от таких друзей, а с врагами, сам видишь, мы своими силами справляемся, – произнёс, ухмыльнувшись, солдат. – Так вот, фриц, поешь нашей каши, а потом спать ложись... И не вздумай чего отмочить, а то “Гитлер – капут!” будет, ферштеен зи? – И солдат выразительно показал на свой автомат.

– Не беспокойтесь, я ничего не отмочу, – быстро ответил Крашке. – Я человек надёжный, будьте уверены, господин солдат.

Отведав каши, Крашке прилёг на соломенный тюфяк, принесённый тем же солдатом, и погрузился в тяжёлые размышления. Разумно ли он поступил, что сразу признался? А с другой стороны, что ему оставалось делать после того, как его опознал и буквально за шиворот притащил в контрразведку этот проклятый лейтенант? Теперь, по крайней мере, в протоколе

чёрным по белому записано, что он, Крашке, на первом же допросе стал говорить правду, а это, что бы там ни было, смягчающее вину обстоятельство...

Чёрт бы побрал такую дурацкую судьбу, при которой надо заботиться о “смягчающих обстоятельствах”, будь они прокляты! Дьявольское невезение! Кто мог подумать, что эта ужасная история с бумажником, выкраденным почти четыре года назад в Москве, вдруг всплывёт через столько времени в Восточной Германии, в заштатном городишке, куда его направил этот тощий индюк Пиккенброк!..

Вообще эти четыре года перевернули мир: русские танки мчатся на полном ходу на Берлин, в небе полное превосходство советской авиации, а об их артиллерии нечего и говорить!

Что случилось с Россией, чёрт побери? Откуда у неё всё это взялось? Кто бы поверил летом 1941 года, что победит Москва, а не Берлин? О чём думал этот проклятый австрийский маляр с чёлкой и вытаращенными глазами, этот “великий фюрер”, которого все слушали, разинув рот? Правда, если говорить по совести, – а как можно говорить иначе с самим собой? – если говорить по совести, то он, Ганс Крашке, в глубине души всегда считал, что этот сумасшедший фюрер не такой уж мудрец, хотя язык у него и здорово подвешен и второго такого крикуна Крашке никогда не встречал.

Правда, – нечего хитрить с самим собой, идиот! – эти мысли он всегда отгонял, и они его даже пугали. А что было делать, когда каждый второй сослуживец, знакомый, прохожий, родственник мог написать на тебя донос, когда приходилось опасаться собственной жены и детей... Что было делать в такое сумасшедшее время?!

Так, вздыхая и тяжело ворочаясь на жёстком тюфяке, размышлял господин Крашке, не будучи в состоянии заснуть и продолжая этот долгий ночной разговор с самым дорогим ему человеком – с самим собой. Да, будущее было туманно и в высшей степени мрачно. Если даже русские его не расстреляют, то уж Сибири не миновать. И пройдут его последние годы в неволе, за колючей проволокой, на студёном сибирском морозе... Бр-р-р-р!

Бог мой, как глупо он сделал, не сбежав в последний момент из этого городишки куда-нибудь на запад, где можно было предложить свои услуги американцам или англичанам!.. Как-никак, он кадровый разведчик... специалист по России, а это, чёрт возьми, ещё может кое-кому пригодиться... Сумел же в своё время адмирал Канарис – сам начальник гитлеровской военной разведки и контрразведки – найти общий язык с мистером Алленом Даллесом, начальником американской разведки, став его тайным агентом.

Правда, адмиралу не повезло: в 1944 году он был расстрелян по приказу Гитлера. Однако, если бы не это существенное обстоятельство, господин адмирал теперь катался бы как сыр в масле...

До самого рассвета Крашке так и не удалось сомкнуть глаз, тем более что за окном его зарешечённой наспех камеры всю ночь лязгали и гремели гусеницы танков и самоходок, проходивших на запад.

Крашке уже не сомневался, что судьба “Третьего рейха” решена и Берлин падёт в самом недалёком будущем. Впрочем, это не так уж занимало Крашке. Теперь он был озабочен лишь своей собственной судьбой. Дело в том, что, признав своё сотрудничество в разведке, Крашке скрыл свою деятельность в “комбинате смерти” под Смоленском. Вот как бы следователь не докопался до этой страницы его жизни – чересчур много там крови, пыток и некоторых других “развлечений”, до которых Крашке был такой охотник... Если и это станет известным, то нечего рассчитывать на снисхождение...

Рано утром весёлое апрельское солнце пробилось через решётку, а Крашке, бледный от бессонной ночи и бесплодных размышлений, всё ещё продолжал ворочаться и тяжело вздыхать. Потом загремел дверной замок, и тот же румяный солдат опять принёс котелок с кашей, хлеб и кипяток. Крашке попросился на двор.

Солдат вывел его в узкий темноватый коридор и указал, где он может сделать свой утренний туалет.

Через час Крашке снова повели на допрос. Всё тот же следователь, сухощавый спокойный майор в очках, угостил арестованного папиросой и стал его допрашивать об обстоятельствах, при которых его “внедрили” в том городке, где он был задержан. Крашке охотно отвечал на вопросы, верный принятому решению в этой части говорить правду. Видимо, следователь это почувствовал, потому что он слушал внимательно и спокойно, не пытался сбить Крашке контрольными вопросами и записывал всё, что показывал обвиняемый.

Закончив протокол, следователь, как и накануне, дал его прочесть и подписать, а потом сказал:

- Сегодня вас перевезут в другое место, Крашке. Но мы ещё встретимся.
- Куда же меня повезут, господин следователь? – взволнованно спросил Крашке.
- Пока вы будете двигаться на запад, – улыбнулся следователь. – Поближе к Берлину...

Понимаете, мы спешим в Берлин.

Через пару часов Крашке вывели во двор, усадили в закрытый автофургон, и машина понеслась. Судя по тому, что Крашке успевал заметить через маленькое окошко машины, его в самом деле везли на запад по автостраде, ведущей в Берлин.

Кто из видевших эту автостраду в апреле 1945 года сможет её забыть?! Кому не запомнились на всю жизнь эти широкие людские потоки, катившиеся навстречу друг другу? Справа грохотала бесконечная лавина танков, самоходок, пушек, моторизованной пехоты, полевых кухонь, передвижных электростанций, сверкающих под апрельским солнцем прожекторов, установленных на тяжёлых грузовиках, заботливо укрытых брезентами “катюш”, легковых автомобилей и мотоциклов.

А навстречу великой армии, выдержавшей неслыханные испытания, закалённой в битвах, каких не знала история, армии, которую ещё четыре года назад объявили уничтоженной её враги и которая теперь неудержимо шла вперёд, – навстречу этой армии струился другой человеческий поток. Автострада была затоплена толпами освобождённых рабочих и военнопленных, идущими на восток. Тысячи, десятки, сотни тысяч людей шли пешком, ехали на пароконных фургонах, велосипедах, в кабриолетах, старинных дворянских экипажах, в которые были запряжены огромные немецкие битюги, цирковые ослы и пони, ушастые мулы и даже один верблюд, видимо, уведённый из зоологического сада. Многие катили перед собой детские коляски, в которых был уложен их убогий скарб.

У большинства освобождённых ещё пестрели на груди и на спине лагерные знаки – разноцветные треугольники у французов и американцев, прямоугольники с надписью “ОСТ” у русских, вышитые трезубцы у украинцев. Все эти люди шли с наспех сделанными национальными флажками, переливавшимися всеми цветами радуги под щедрым апрельским солнцем последнего года мировой войны.

Десятки и сотни тысяч людей, согнанных фашизмом из всех стран Европы на всесветную каторгу, насильно оторванных от родных мест, людей, измученных годами непосильного труда, голодом, плетью надсмотрщиков, уже отчаявшихся дожить до освобождения, теперь возвращались домой. Сияющими от счастья глазами они смотрели, не отрываясь, благодарно и восхищённо, на грохочущие стальные колонны, принёсшие им освобождение, радость, жизнь...

Иногда, на редких остановках, – редких потому, что правый поток неустанно спешил туда, в Берлин, на последнюю и решающую битву мировой войны, – обе человеческие реки смешивались, незнакомые люди – мужчины и женщины, старики и дети – целовали загорелых советских солдат, лепеча на всех языках мира слова благодарности и любви, дружбы и восхищения.

Случались и более удивительные сцены: солдат-отец вдруг встречал свою дочь, угнанную из какого-нибудь русского, украинского или белорусского села; жених вдруг узнавал невесту,

о которой со времени оккупации не было ни слуху ни духу; старший брат с трудом узнавал младшую сестрёнку в исхудалой, вытянувшейся девушке, с криком бросившейся к нему на грудь: “Ваня, Ванечка, да ведь это я – Нюра!..”

Удивительная, торжественная и взволнованная тишина воцарялась при каждой такой встрече. Все вокруг: генералы и солдаты, вчерашние узники фашистских концлагерей и военнопленные – все без исключения обнажали головы и в сочувственном молчании стояли вокруг счастливых, которым судьба подарила эту необыкновенную встречу.

Но вот наступал конец короткой остановки, звучали слова команды, и солдаты поспешно рассаживались по своим танкам, самоходкам и грузовикам. Снова взывали моторы, и ещё долго махала платочком вслед родному лицу вся трепещущая, заплаканная и счастливая девушка.

Потом какая-нибудь из товарок по неволе брала её за руку, и они вместе, обнявшись, продолжали свой путь на восток, домой, домой, домой!..

* * *

К вечеру Крашке привезли в довольно большой город. Арестованный был снова помещён в здании военной комендатуры.

Через час его вывели во двор на прогулку. Крашке внимательно осмотрел узкий дворик, отделённый от улицы невысоким каменным забором. Крашке сразу узнал этот город, в котором ему не раз приходилось бывать ещё до войны. Он даже определил тот район города, в котором находился. В двух кварталах отсюда была улица, на которой жил его кузен, владелец трёх пекарен, Иоахим Рейнгольц.

Вернувшись в камеру, Крашке твёрдо решил совершить побег. Он стал лихорадочно обдумывать план. Конечно, бежать следовало именно в этом городе, где он имел возможность переодеться и получить необходимые вещи на дороге у кузена.

Крашке рассчитывал пробраться в Берлин, в здание новой имперской канцелярии, где, как ему было известно, тогда находился Гитлер. Помощник начальника личной охраны Гитлера ээсовец Вирт был старым приятелем Крашке. Они вместе работали в немецкой разведке ещё во время первой мировой войны. Когда Пиккенброк направил Крашке в тот немецкий городок, где он был задержан Фунтиковым, перед отъездом из Берлина Крашке зашёл к старому приятелю.

Они встретились тогда в бомбоубежище, расположенном в глубоком подземелье под рейхсканцелярией. Вирт провёл Крашке в свою комнату, притворил тяжёлую стальную дверь, вытащил бутылку коньяка и угостил приятеля. Начался разговор. Узнав, что Крашке направляется в Восточную Пруссию, Вирт покачал головой.

– Не могу тебя поздравить, Ганс, – сказал он. – Дела на фронте плохи. Вчера я сам видел телеграмму, полученную фюрером. Утром 14 января русские начали наступление с двух плацдармов на Висле, южнее Варшавы. Это одно из крупнейших наступлений за все годы войны. Начав его, русские преодолели три линии укреплений. Я сам видел эти укрепления, когда сопровождал фюрера, ездившего их осматривать. Никому бы не пришло в голову, что эти три линии можно прорвать. Но русские их прорвали. Когда фюрер получил об этом телеграмму, он пришёл в бешенство, стал кричать, что только измена может объяснить случившееся. Но измены не было, Ганс, можешь мне поверить... С тех пор фюрер так и не может прийти в себя. А телеграммы приходят одна хуже другой...

Вирт оглянулся, хотя в комнате никого не было, и, перейдя на шёпот, добавил:

– Надо быть готовым к самому худшему... Вот почему я недоволен твоим откомандированием. Если бы ты был здесь, я, разумеется, помог бы тебе эвакуироваться...

– Эвакуироваться? – спросил Крашке. – Неужели дело может пойти так далеко?

– Не будь наивным, Ганс. Во всяком случае, когда ты убедишься, что дела окончательно плохи, советую тебе плюнуть на всё и добраться сюда... Испанский паспорт и деньги я для тебя приберегу... Как-никак, Ганс, мы старые друзья и не раз выручали друг друга... В такое тяжёлое время надо быть вместе...

Теперь, вспоминая этот откровенный разговор с Виртом, Крашке решил, что пока не поздно, надо воспользоваться его обещанием. Как старый разведчик, Крашке понимал, что Вирт не зря сказал об испанском паспорте. Видимо, в случае полного краха именно туда будут пробираться наиболее видные эсэсовцы.

Итак, нужно сначала попробовать этот испанский вариант. Если же он почему-то отпадает, если Берлин рухнет раньше, чем Крашке успеет до него добраться, останется второй вариант: бежать к американцам и предложить им свои услуги...

Но побег – как устроить самый побег? Бежать из комендатуры было невозможно. Она хорошо охранялась. Румяный конвоир, сопровождавший Крашке, был исполнительным солдатом и пока не проявлял признаков усталости.

Значит, надо было прежде всего выбраться из здания комендатуры. Лучше всего прикинуться больным.

И наутро, когда конвоир принёс Крашке завтрак, он обнаружил арестованного в самом плачевном состоянии: Крашке лежал на тюфяке, держась за живот, и непрерывно стонал.

– Что стряслось? – спросил солдат.

– Ах, господин солдат, этот проклятый аппендицит... Приступ!.. Ой!..

И Крашке снова застонал.

– Ладно, позвоню, чтобы доктора прислали, – сказал солдат и вышел из камеры.

Минут через двадцать явилась молодая женщина в военной форме, с погонами лейтенанта медицинской службы.

Крашке, хорошо знавший симптомы аппендицита, довольно точно их изложил, отвечая на вопросы врача. Потом, когда она стала его исследовать, сильно нажимая рукой с правой стороны живота и резко отпуская её, Крашке понял, что она проверяет так называемый симптом Бломберга. Поэтому именно в тот момент, когда женщина резко отпустила руку, Крашке вскрикивал, как от нестерпимой боли.

После этого ему поставили термометр. Незаметными щелчками Крашке поднял ртуть градусника до 37,8°.

Женщина-врач вышла из камеры и позвонила следователю, за которым числился Крашке.

– Очень похоже на аппендицит, – сказала она. – Мы возьмём у него на исследование кровь, и тогда всё окончательно выяснится. Скорее всего, придётся оперировать...

– Хорошо, я дам распоряжение о переводе его в госпиталь, – ответил следователь. – Мы переведём его туда с конвоиром, а вы подготовьте для него отдельную палату...

И через два часа Крашке перевезли в госпиталь, где он был помещён в отдельную палату на втором этаже. Всё тот же румяный солдат поселился вместе со своим подопечным.

Крашке и в госпитале продолжал тихо стонать, жалуясь на боли в области живота. Несколько раз он вставал с койки, уверяя солдата, что, вставая, он чувствует себя лучше. Заглянув в окно, Крашке убедился, что оно выходит во двор, где разбита пышная цветочная клумба. На эту клумбу можно было спрыгнуть без особого риска.

Между тем в палату пришла медицинская сестра и взяла у Крашке кровь для исследования. Надо было спешить. Крашке выяснил у сестры, что анализ будет готов через пару часов – его делали срочно. Да, надо было торопиться!..

Прежде всего возникал вопрос – как избавиться от этого румяного солдата? И тут Крашке с благодарностью вспомнил о дантисте гестапо господине Вреде. За месяц до того как Крашке был направлен Пиккенброком в тот паршивый городишко, где он был задержан советским

лейтенантом, среди офицеров гестапо распространился слух, что каждому из них придётся побывать в каком-то загадочном зубоучебном кабинете, у никому не известного дантиста Вреде. И в самом деле, ежедневно офицеры гестапо вызывались один за другим и направлялись к дантисту, хотя у большинства из них в этом не было никакой нужды.

Возвращаясь от дантиста, офицеры гестапо отмалчивались в ответ на вопросы тех, до кого ещё не дошла очередь посетить загадочный кабинет.

Наконец, когда было решено, что Крашке придётся выехать в маленький городишко под видом аптекаря, его вне очереди вызвали к дантисту. Придя в зубоучебный кабинет, Крашке увидел пожилого, тучного, рыжеватого человека в золотых очках, по виду самого обыкновенного дантиста. Рыжий улыбнулся своему новому посетителю, усадил его в кресло и пробормотал, что он, доктор Вреде, постарается угодить своему клиенту протезом. Крашке вскочил с кресла и испуганно пролепетал, что он, благодаря Всевышнему, пока не нуждается ни в каких протезах и вообще не жалуется на свои зубы.

– Это не имеет никакого значения, господин Крашке, – тихо произнёс дантист. – Вы включены в список, утверждённый рейхсфюрером СС, и я обязан сделать вам протез... Более того, мне приказано сделать вам два протеза...

– Два протеза?! – вскричал Крашке, приходя в ярость. – Ни о каких протезах не может быть и речи!.. Я с детства не переношу дантистов и хочу заявить вам об этом, доктор Вреде, со всей прямоотой...

– Благодарю за откровенность, но это не меняет дела, – спокойно ответил Вреде. – Сейчас вы в этом убедитесь...

Он поднял трубку телефона, набрал номер и доложил невидимому собеседнику:

– Господин оберштурмбаннфюрер, у меня в кабинете находится господин Крашке. Да, он тоже отказывается и даже говорит, что с детства не переносит дантистов... Весьма признателен, господин оберштурмбаннфюрер...

И дантист спокойно положил трубку и начал просматривать газету, сказав Крашке, что придётся подождать несколько минут.

Вскоре в кабинет вошёл оберштурмбаннфюрер Крейц, начальник одного из самых засекреченных отделов гестапо, которого Крашке знал только в лицо. Поздоровавшись с дантистом, Крейц подошёл к вытянувшемуся Крашке, внимательно на него посмотрел и тихо сказал:

– Вы в самом деле не переносите дантистов, Крашке?

– Я не понимаю, что от меня требуется, господин оберштурмбаннфюрер, – осторожно ответил Крашке.

– Прежде всего, чтобы вы не были идиотом, – ответил Крейц. – Если вас включили в этот список, вы должны прыгать от радости, а не вести себя, как гимназист... Короче – два протеза!.. Доктор Вреде, покажите ему ампулы и разъясните суть дела...

Дантист тут же достал из шкафа и протянул Крашке две крохотные ампулы, в которых переливалась какая-то желтоватая жидкость.

– Вот они, – сказал он. – Содержимое каждой ампулы обеспечивает мгновенную и безболезненную смерть. Я изготовлю и поставлю вам два искусственных полых зуба с нарезными коронками. В них вы будете хранить эти ампулы, пока они вам не потребуются... В случае нужды вы сами без всякого труда сможете отвинтить коронку и достать ампулу...

Теперь Крашке понял, зачем ему нужны протезы. Нельзя сказать, что ему захотелось прыгать от радости, но выхода не было, и он безропотно сел в зубоучебное кресло, отдав себя в распоряжение доктора Вреде.

Через три дня, когда работа была закончена, в кабинете дантиста снова появился оберштурмбаннфюрер Крейц и лично проверил, как освоил Крашке свои протезы. Три раза Крашке отвинчивал коронки протезов, осторожно поднимал их вместе с ампулами, верхушки которых были прикреплены к коронкам, а затем снова укладывал их на место и туго завинчивал.

– Отлично, господин Крашке, – произнёс довольный испытанием Крейц. – Учтите, что ампулы изготовлены из мягкой пластмассы и вы, в случае необходимости, можете вскрыть их ногтём, если будете лишены ножа или вилки. Наконец, если ампула вам понадобится, так сказать, для личного пользования – чего, видит бог, я ни в ком случае вам не желаю! – вы можете просто раздавить ампулу зубами, чтобы незамедлительно отправиться на тот свет... Понятно?

– Вполне, господин оберштурмбаннфюрер, – быстро ответил Крашке, мысленно посылая ко всем дьяволам этого рыжего Крейца с его сатанинскими советами. – Я приношу свою признательность за ценные указания...

Всё это теперь вспомнилось Крашке, и он подумал, что напрасно в своё время сердился на оберштурмбаннфюрера Крейца. Да, теперь, чёрт возьми, эти ампулы могут его спасти!..

После обеда, когда румяный солдат, сидевший напротив койки Крашке, закурил, старательно выдыхая дым в открытое окно, Крашке незаметно отвинтил коронку одного из протезов и достал вместе с нею ампулу. Зажав её между большим и указательным пальцами, Крашке попросил разрешения выпить. Он подошёл к столику, налил в один из стаканов воду, а затем, заслонив собою второй стакан, вскрыл ногтем ампулу и слил в этот стакан её содержимое, после чего вернулся на свою койку и незаметно подбросил под неё пустую ампулу.

Всё пока шло самым отличным образом, и теперь оставалось дожидаться того момента, когда конвоиру захочется выпить воды. Крашке сделал вид, что дремлет, но внимательно следил за солдатом. Покурив, тот начал что-то про себя напевать, бросая, однако, время от времени внимательные взгляды на арестованного. Судя по всему, солдату пока не хотелось пить. Прошёл час, за ним другой, Крашке за это время дважды пил воду, но солдат не последовал его примеру. Уже наступал вечер, и Крашке опасался, что анализ крови будет готов и тогда выяснится, что никакого аппендицита у него нет.

Уже вечером снова пришла медсестра. Она сказала, что надо повторить анализ, чтобы проверить, не повысился ли лейкоцитоз. Крашке с великой радостью протянул палец для укола. Он понял, что повторный анализ потребует ещё два-три часа. Взяв кровь, сестра ушла, а через час санитарка принесла ужин и чайник. Крашке поужинал, потом налил в свой стакан чай. Солдат на этот раз последовал его примеру. Крашке с бьющимся от волнения сердцем посмотрел на открытое окно, за которым уже синели апрельские сумерки. Сейчас выяснится его судьба – спасение или смерть.

Между тем солдат достал сахар и принялся за чай. Он сделал всего два глотка и, сразу захрипев, с помутившимися глазами и посиневшим лицом откинулся к стене. Крашке вскочил с койки и в полосатой госпитальной пижаме подбежал к солдату.

– Что с вами, господин солдат? – взволнованно спросил Крашке, но тот тщётно пытался что-то произнести побелевшими губами. Крашке подбежал к окну, взобрался на подоконник и посмотрел вниз. Во дворе никого не было; в сумерках смутно темнели контуры цветочной клумбы. Крашке выбрался, держась за рамы окна, на внешний край подоконника и прыгнул вниз, на клумбу, пышную, как перина. Прыжок удался, и, сразу вскочив на ноги, Крашке выбежал со двора на улицу, пустынную в этот час. Сердце его стучало, как метроном, от волнения чуть кружилась голова. Надо было торопиться. Прячась в тени стен и заборов, Крашке со всей доступной ему быстротой побежал из этого квартала в тот район города, где жил кузен Иоахим Рейнгольц.

Найдя по пути развалины какого-то разрушенного дома, Крашке решил переждать здесь до наступления поздней ночи, чтобы не попасться на глаза военному патрулю или какой-нибудь случайно проходящей части.

* * *

Нельзя сказать, чтобы господин Рейнгольц очень обрадовался ночному появлению своего двоюродного брата.

Во-первых, Иоахим Рейнгольц, уже пожилой коммерсант с солидным брюшком и полированной, как слоновая кость, лысиной, всегда подозревал, что его кузен занимается какими-то тёмными делами, связанными с частыми и внезапными исчезновениями. Где он работает, Рейнгольц толком не знал, но догадывался, что у Крашке такая профессия, о которой не принято говорить и которая во всяком случае не имеет ничего общего с коммерцией.

Во-вторых, Иоахим Рейнгольц вообще терпеть не мог политики, полагая, что она до добра не доводит и солидный немец никогда не станет ею заниматься. Куда приятнее торговать хлебными изделиями и таким образом кормить людей, вместо того чтобы мучить их голодом в концлагерях и тюрьмах. По некоторым данным, Рейнгольц заключил, что его двоюродный брат занимался именно последним.

В-третьих, Рейнгольцу было известно, что Крашке не только член нацистской партии, но ещё и эсэовец, а от такого “милого” родственника было благоразумнее всего держаться подальше.

Теперь, когда русские танки гремят на Берлинской автостраде, и ребёнку понятно, до чего довела бедную Германию эта тёмная компания во главе с их взбесившимся фюрером. Вот уже месяц, как пекарни господина Рейнгольца стоят без дела – нет муки, и когда она появится, одному богу известно.

Три дня тому назад город заняли русские, их войска день и ночь идут всё дальше, и не сегодня-завтра будет взят Берлин. В ратуше восседает советский военный комендант, молодой майор.

Ах, как прав был пастор Мюльке, который ещё четыре года назад, едва началась русская кампания, сказал доверительно Рейнгольцу за преферансом, что фюрер напрасно затеял эту войну. Мюльке напомнил завещание Бисмарка, мудро советовавшего никогда не лезть в берлогу к русскому медведю, которого опасно дразнить...

Теперь ясно, насколько Бисмарк был умнее фюрера: русские разъезжают на танках по немецким автострадам и городам, и грохот их артиллерии сводит с ума Иоахима Рейнгольца.

Но мало этого. Русские офицеры ведут себя более чем загадочно. Взять хотя бы того же военного коменданта. Не успели советские войска вступить в город, как герр комендант буквально на следующий день пригласил к себе всех владельцев городских магазинов, ресторанов, пекарен, пивных и аптек.

Получив этот вызов, Иоахим Рейнгольц простился с рыдающей женой и детьми, сразу догадавшись, что прямо от коменданта он будет отправлен в Сибирь. Боже мой, как плакала несчастная фрау Амалия, как дрожали дети и как, между нами говоря, дрожал он сам!..

Но что делать – приказ есть приказ, и его надо выполнять. Во всяком случае так приучен поступать каждый добропорядочный немец.

Уложив в рюкзак тёплое шерстяное бельё, Иоахим Рейнгольц натянул на себя старую меховую шубу, два свитера, шерстяные носки, тёплый вязаный шарф и в таком виде, обливаясь потом от жары и ужаса, поплёлся к коменданту по улице, на которой цвели деревья.

По пути он встретил многих знакомых, тоже направлявшихся к коменданту. Все они, как и Рейнгольц, были одеты так, будто собирались немедленно вылететь на Северный полюс.

Но, как всегда, лучше всех устроился этот ловкач Штумпе, владелец ресторана “Вагнер”. На нём была роскошная медвежья шуба (удивительно, где он её раздобыл!), меховая шапка, поверх которой был надет башлык из верблюжьей шерсти, а на ногах красовались высокие сапоги из оленьего меха, какие Рейнгольц видал только в скандинавских фильмах. Несмотря

на то что с оплывшего лица тучного Штумпе низвергался целый водопад пота, он был явно горд своим меховым превосходством и свысока глядел на окружающих. На вопрос Рейнгольца, как ему удалось так роскошно экипироваться, Штумпе хвастливо ответил:

– Немец должен иметь на плечах голову, а не дубовое полено, дорогой Иоахим (любопытно, на кого намекал этот нахал!). Я всегда предусмотрителен. Ещё 22 июня 1941 года, когда меня разбудило радио и я услышал истошные крики нашего дорогого фюрера, я сказал Марте – можете её спросить: “Марта, начни приобретать меховые вещи. Вся эта история кончится Сибирью. А там птицы замерзают на лету и со стуком падают на землю...”

Они вместе поплелись в ратушу. Все коммерсанты города уже были там и все были одеты так, как будто пришли на зимний карнавал с ценным призом за самую тёплую одежду.

Потом вышел советский военный комендант, молодой, курносый, плечистый, и, поглядев на собравшихся, как-то загадочно улыбнулся.

– Здравствуйтесь, господа! – сказал он. – Чем объяснить, что вы так странно одеты? На улице 18 градусов тепла, цветут яблони и вишни, к чему эти меха?.. В чём дело?.. Это же не Лейпцигская меховая ярмарка...

Рейнгольцу такой разговор показался странным, он подумал, что комендант попросту издевается над мирными коммерсантами. Как будто этот майор не понимает, в чём дело, чёрт бы его побрал!..

Однако все молчали, потому что каждый боялся заговорить. После продолжительной паузы комендант сказал:

– Так что же, будем играть в молчанку?.. Или кто-нибудь ответит на мой законный вопрос?

Тут вышел вперёд Штумпе, откинул на плечи свой верблюжий башлык, низко поклонился и сказал:

– Герр майор, вы видите перед собой мирных штатских и глубоко несчастных немцев. Мы имеем честь и одновременно удовольствие приветствовать в вашем лице советские военные власти. Гитлер капут, герр майор, и потому мы готовы ехать в Сибирь, ибо приказ есть приказ, а немцы умеют слушаться, достопочтенный господин военный комендант.

– В Сибирь? – спросил майор и вдруг начал так смеяться, что всем стало не по себе. – Вы уверены, что в Сибири не смогут обойтись без вас, господа? Или, может быть, вы не можете обойтись без Сибири?

– Нет, герр майор, – поспешно ответил Штумпе. – Мы как раз обошлись бы без Сибири, можете мне поверить... Но поскольку есть приказ... Немцы любят дисциплину, герр майор...

– Нет такого приказа, – резко заявил комендант. – Я вижу, вы всё ещё верите в брехню вашего доктора Геббельса... И его плакаты “Свобода или Сибирь” приняты вами всерьёз... Так вот, никто из вас не поедет в Сибирь. Вы все останетесь здесь. И каждый возьмётся за своё дело. Для этого я вас и пригласил... Короче – через сутки должны начать работать городские пекарни, столовые, аптеки, больницы, продовольственные магазины. Продукты будут отпускаться населению по нормам, утверждённым советским военным командованием.

Тогда Рейнголец, набравшись смелости, тоже вышел вперёд и спросил:

– А где я возьму муку для своих пекарен, герр майор?

– Мука будет отпущена вам по ордеру на военном складе, – ответил майор, и было похоже, что он не шутит. – Хлеб будет отпускаться по карточкам... У нас с вами общая задача: восстановить нормальную жизнь... Ясно?

Совещание у коменданта затянулось на два часа. Его засыпали кучей вопросов, на которые он отвечал коротко, но ясно. Этот молодой майор, как видно, не любил много говорить, но зато твёрдо знал, чего он хочет. А хотел он, как выяснилось, одного – восстановить нормальную жизнь... Да, да, он несколько раз повторил эти слова!..

Хором поблагодарив майора, успокоившиеся и счастливые коммерсанты, аптекари, рестораторы, булочники и мясники выскочили, толкая друг друга, из ратуши и помчались в распахнутых шубах, красные от волнения, по домам, не переставая о чём-то галдеть на бегу.

Когда, вернувшись к себе, Иоахим Рейнгольц рассказал обо всём фрау Амалии, та долго ахала и удивлялась. Она даже высказала предположение, что всё это – лишь злая шутка. Иоахим Рейнгольц задумался, но в этот самый момент явился какой-то советский сержант, потребовавший, чтобы Рейнгольц отправился с ним за мукой.

И до поздней ночи Рейнгольц, весь в поту – теперь уже не от страха, а от радости, – носился по своим пекарням, наблюдал, как разжигают и замешивают тесто, и весело покрикивал на пекарей:

– Шнеллер, шнеллер!.. Есть приказ – восстановить нормальную жизнь...

И вот в ту же ночь, почти на рассвете, неожиданно явился Крашке в полосатой больничной пижаме...

Разбуженный приходом нежданного гостя, Иоахим Рейнгольц побледнел и схватился за сердце. Самый факт внезапного ночного появления своего кузена Рейнгольц оценил как нечто входящее в противоречие с этими короткими, простыми и ставшими для него дорогими словами советского военного коменданта: “В городе должна быть восстановлена нормальная жизнь...”

Последний акт

Иоахим Рейнгольц при виде своего кузена прежде всего ощутил здоровое стремление как можно скорее избавиться от дорогого родственника.

Когда же Крашке сказал, что он намерен немедленно выбраться из этого города и нуждается для этого в одежде, Рейнгольц очень искренне воскликнул, что охотно поможет милому кузену.

Достав из платяного шкафа старый костюм, плащ и шляпу, Рейнгольц великодушно протянул их Крашке. Тот поспешно переоделся, так и не ответив на вопрос кузена, почему он явился в одной пижаме.

Потом кузен попросил “на дорогу” хлеба и колбасы. Рейнгольц дал ему и это, после чего Крашке, пожав его руку и пробормотав “спасибо, желаю благополучия”, ушёл прямо в ночь.

Когда калитка захлопнулась за неожиданным гостем, провожавший его Рейнгольц вздохнул с облегчением. Стояла тёплая апрельская ночь, чуть влажная от низко нависших туч, сплошь затянувших тёмное, тревожное небо. В городе было тихо, но издали доносился гул артиллерийских разрывов, и тучи в той стороне часто окрашивались багровыми вспышками. Прямо над головой Рейнгольца рокотали моторы ночных самолётов, и в небе плыли красные и зелёные огни. Самолёты шли туда, откуда доносился грохот артиллерии, – туда, на Берлин...

Рейнгольц грустно вздохнул, покачал головой и поплёлся к себе в спальню, где его поджидала встревоженная фрау Амалия.

– Ушёл, благодарение господу, – коротко ответил он на немой вопрос, светившийся в глазах жены. – Неизвестно, откуда появился, неизвестно, куда пошёл, неизвестно кто он такой вообще!.. всю жизнь он был для меня загадкой... Впрочем, чёрт с ним! А там всё стреляют, Амалия... День и ночь, ночь и день!.. И русские самолёты всё летят... Откуда у них столько самолётов?.. Ты помнишь, как этот пузатый хвостун Геринг поклялся, что ни один иностранный самолёт никогда не появится в немецком небе?

– Тише, Иоахим, – прошептала Амалия, уже давно усвоившая, что даже в супружеской постели опасно говорить на политические темы. – В конце концов и рейхсмаршал мог ошибиться...

– Рейхсмаршал?! – закричал Рейнгольц. – Он такой же рейхсмаршал, как этот сумасшедший фюрер – глава государства!.. Откуда свалились на наши бедные головы эти проклятые идиоты, я тебя спрашиваю?

– Иоахим, я тебя умоляю!.. Что ты говоришь? – залепетала насмерть испуганная фрау Амалия. Но Рейнгольц, не слушая её, продолжал клясть на чём свет стоит Гитлера и его министров, рейхсмаршалов, просто маршалов, генералов и фюреров всех рангов и мастей. Фрау Амалия уже перестала его успокаивать, с удивлением обнаружив, каким неуёмным темпераментом, оказывается, обладает её супруг, обычно такой спокойный, даже чуть флегматичный и тихий человек.

А Иоахим Рейнгольц ещё долго кричал, плевался, проклинал и ругался, выплескивая всё, что накопилось в его душе за эти проклятые двенадцать лет, всё, что он так тщательно таил в себе, о чём боялся даже думать и что теперь вдруг прорвалось и хлынуло...

* * *

...Между тем Ганс Крашке пробирался в Берлин. Опасливо обходя стороной автострады и города, приняв личину бедного немца, спасающегося от ужасов войны и разыскивающего свою семью, он всё шёл и шёл на запад. Где-то по пути ему удалось раздобыть детскую коляску,

и он, как многие тысячи людей в те апрельские дни, катил её перед собой, ночуя в разрушенных домах, в перелесках и оврагах, присоединяясь иногда к группам жителей, пробиравшихся невесть откуда и куда...

В те дни десятки тысяч людей бродили вот так же по боковым дорогам и тропинкам в разных направлениях, и никому не приходило в голову их проверять или задерживать – просто было не до них.

И всё-таки было нелегко пробраться в Берлин, который уже почти со всех сторон был замкнут в огненном кольце наступающих советских армий.

Крашке, отлично знавший окрестности Берлина, сделал несколько попыток пробраться в город с разных сторон. При этом он, конечно, избегал больших магистралей и автострад, надеясь, что боковыми, малоизвестными, старыми и давно запущенными дорогами будет легче пройти. Но несколько раз, выходя с этих боковых дорог на основные подъездные пути к Берлину, Крашке наткнулся на советские части, подступавшие буквально со всех сторон. И в каждом таком случае Крашке бросался обратно, прятался в развалинах какой-нибудь деревни или одного из бесчисленных городков, разбросанных на подступах к Берлину. Потом он понял, что самое безопасное – это влиться в потоки беженцев, которые целыми группами бродили по дорогам, отдыхали в придорожных лесах, на берегах озёр и рек или временно поселялись в домах, брошенных хозяевами в это тревожное время.

Всё в этих домах: разбросанные в спешке вещи, чемоданы, которые не успели увезти, разворошенные перины, столовое серебро, оставленное в незапертых буфетах, похожих на готические соборы, даже личные документы хозяев домов, так и не захваченные в горячке панического бегства, – всё это красноречиво говорило об обстановке, сложившейся в районе Большого Берлина в последние дни второй мировой войны.

После третьей неудачной попытки пробраться в Берлин Крашке вдруг вспомнил, что он ведь отлично владеет русским языком. Просто удивительно, как это раньше не пришло ему в голову! В самом деле, ведь десятки тысяч русских людей, в своё время угнанных с родных мест в Германию, тысячи освобождённых из лагерей военнопленных в эти дни движутся по всем немецким дорогам в самых различных направлениях. Почему бы ему, Крашке, не превратиться в одного из таких русских со всеми отсюда вытекающими последствиями?

Чем больше обдумывал Крашке этот план, тем яснее вырисовывались его преимущества. И Крашке, приняв окончательное решение, вновь поплёлся по дорогам, на этот раз с целью встретить хотя бы маленькую группу русских, направлявшихся на восток.

В конце дня, в одном из перелесков поблизости от какой-то автострады, Крашке заметил человек двадцать мужчин и женщин, расположившихся вокруг разведённого костра, на котором они готовили пищу. Крашке подошёл к ним поближе, и до него явственно донеслась русская речь. Тогда он подошёл к этим людям и поклонился.

– Никак наши? – коротко спросил он, обращаясь сразу ко всем.

– Наши, – хором ответили люди, сидевшие у костра. – А ты откуда пробираешься?

Крашке был готов ответить на такой вопрос и довольно складно, хотя и без особых подробностей, рассказал, что он – Михаил Иванович Обручев из Смоленской области, был в своё время угнан в Германию и теперь пробирается домой.

– Земляк, значит? – произнёс один из мужчин, сидевших вокруг костра. – Я тоже смоленский, из-под Велижа. Чего стоишь, присаживайся, и на твою долю хватит, Михаил Иванович...

Крашке присел, с удовольствием закурил сигарету, предложенную “земляком”, и в свою очередь спросил его, откуда он теперь пробирается домой. “Земляк” ответил, что он, как и все остальные, работал на военном заводе недалеко от Берлина, а недавно, когда военная охрана разбежалась, они двинулись в путь.

Завязался общий разговор. К удовольствию Крашке, остальные русские были не из Смоленской области. Поэтому Крашке без опасения рассказал, что сам он из Дорогобужского

района, работал до войны землемером. Вспоминая окрестности своего “комбината смерти”, Крашке предался лирическим воспоминаниям о красотах природы Смоленщины.

Между тем котёл, в котором варилась похлёбка, закипел, и Крашке пообедал вместе с остальными. Его измученный вид, заросшие щёки, чистое русское произношение вызвали к нему полное доверие и сочувствие.

Вся группа, посоветовавшись, решила заночевать в перелеске, а утром двинуться дальше. С наступлением сумерек усталые люди прикорнули у костра и заснули. Крашке прилёг рядом со своим “земляком”, а ночью, когда все мирно спали, забрался в сумку соседа и вытащил его документы.

Засунув их за пазуху, Крашке нервно огляделся. Нет, всё в порядке: обворованный “земляк” спокойно похрапывал, спали и остальные. От догорающего костра ещё струилось тепло, а над перелеском плыла среди маленьких белых облачков спокойная луна. Откуда-то слева доносился рокот танковых моторов. На горизонте, в той стороне, где агонизировал Берлин, почти непрерывно вспыхивали багровые зарницы.

Крашке осторожно отполз от “земляка” и, встав на ноги, бросился бежать туда, на багровые зарницы Берлина.

Уже рассветало, когда, выбравшись на одну из боковых магистралей, Крашке уверенно пошёл на запад, решив, что в случае проверки он покажет свой новый документ. В нём чёрным по белому было написано, что он – Сергей Алексеевич Дубов, уроженец Велижского района Смоленской области, был направлен по предписанию велижского бургомистра в Германию, где и работал в качестве “восточного рабочего” за № 128765 на заводе Герман Геринг-Верке с 1943 года...

И в самом деле, несколько раз у Крашке, когда он встречался с советскими частями, проверяли документы. Но ни они сами по себе, ни их обладатель – измученный старик в потрёпанной одежде, с его русской речью и жалким видом – не вызывали никаких подозрений. Загорелые советские солдаты, производившие проверку, не только не задерживали Крашке, но ещё угощали его табачком и желали счастливого пути. На вопрос, почему он пробирается по направлению к Берлину, а не на восток, Крашке отвечал, что в районе Нейдорфа живёт его единственная дочь, работавшая у местного помещика, и он должен разыскать и захватить её с собою...

Только 15 апреля, поздним вечером, Крашке наконец добрался до Берлина. В городе было много разрушений в результате частых бомбёжек, но при всём том ещё сохранилось относительное спокойствие. Пожарные части работали по ликвидации пожаров, действовали метро, электростанции, телефон, радио.

Это немного ободрило Крашке, который сразу разыскал уцелевший телефон-автомат и связался со своим старым другом Виртом. Услышав голос Крашке, Вирт очень удивился и даже как будто обрадовался.

– Признаться, я думал, что ты уже давно повешен большевиками, – усмехаясь, сказал Вирт. – Молодец, что сумел выбраться из этого вонючего городишки, куда тебя запихнул Пиккенброк... Где ты сейчас находишься?

Узнав, что Крашке говорит с окраины Берлина, Вирт смущённо произнёс:

– Постарайся сюда добраться... Я прислал бы за тобой машину, но трудно с бензином... И для посылки машины нужна санкция самого Бормана. Просить его неудобно...

– Ничего, я доберусь, – сокрушённо ответил Крашке и, положив трубку, задумался о том, что, если даже Вирт не может послать машину из-за нехватки бензина, значит, дела рейха совсем уж плохи.

Поздно вечером измученный Крашке добрался до огромного здания новой имперской канцелярии на Фосштрассе, близ Бранденбургских ворот. Именно под этим монументальным,

тяжёлым зданием, на глубине восьми метров под землёй, находилось бомбоубежище Гитлера и его приближённых.

Огромный мрачный эсэсовец, встретивший Крашке в комендатуре, которая тщательно охранялась, долго расспрашивал, кто он такой и что ему нужно, и наконец согласился сообщить о его приходе Вирту. Тот подтвердил, что Крашке может быть пропущен, но эсэсовец ответил, что по новому приказу начальника личной охраны Гитлера бригаденфюрера СС Монке ни один человек не может быть пропущен в бомбоубежище без разрешения самого Гитлера, Бормана или Монке.

Вирт, впервые услышавший об этом новом приказе – ещё накануне он имел право давать пропуск в бомбоубежище, – пошёл к Монке.

– Господин бригаденфюрер, – обратился он к Монке, который, сидя верхом на стуле, тянул из гранёного стакана кофе. – Ко мне пришёл из восточных провинций мой старый друг Крашке, он выполнял там специальные задания генерал-лейтенанта Пиккенброка. Мне кажется, господин бригаденфюрер, что вы должны немного знать этого Крашке.

– Как он сумел добраться сюда с Востока? – подозрительно спросил Монке, свирепый, похожий на гориллу мужчина, с длинным, вытянутым, как дыня, лицом и бегающими, как у хорька, мутными глазами. – Понятия не имею об этом Крашке, а что касается Пиккенброка, то это – негодяй, не заслуживающий политического доверия, и собако-свинья...

– Господин бригаденфюрер, – сказал Вирт, очень удивлённый характеристикой, которую дал Пиккенброку Монке, – дело в том, что Крашке, о котором идёт речь, хорошо и лично известен также и господину рейхсфюреру СС Гиммлеру...

– Гиммлеру?! – завопил Монке. – Я не желаю слышать имя этой болотной жабы, изменника и предателя!.. Если ваш Крашке действительно близок с Гиммлером, то его надо немедленно повесить!.. И я готов сделать это лично!..

Вирт похолодел. Впервые ему пришлось услышать такие эпитеты по адресу рейхсфюрера СС. У него даже мелькнула мысль, что Монке сошёл с ума или просто его провоцирует. Поэтому, на всякий случай, Вирт решил выразить протест.

– Господин бригаденфюрер, – начал он. – Я вас глубоко уважаю и считаю для себя высокой честью быть вашим помощником, но даже от вас я не считаю возможным выслушивать столь непочтительные слова по адресу рейхсфюрера СС...

– Идиот!.. – зарычал Монке. – Этот подлец Гиммлер обманул фюрера! Этот негодяй сказал фюреру, что поедет на запад сколачивать новые дивизии, а утром пришло донесение, что он самовольно начал изменнические переговоры с англичанами!.. И фюрер обвинил этого изменника вне закона. Он должен быть уничтожен и будет уничтожен!..

И Монке хватил по столу своим огромным кулаком.

Вирт пришёл в ужас. Сообщение об измене Гиммлера было новым подтверждением краха. Монке, внезапно замолчав, снова хлебнул кофе, а потом, почти перейдя на шёпот, сказал:

– Если бы один Гиммлер, это было бы ещё не так страшно, Вирт... Сейчас ясно, что фюрера окружали прохвосты и предатели... Да, да, предатели, которым место давно на виселице!.. Вчера сбежал Геринг...

– Геринг! – не веря своим ушам, воскликнул Вирт. – Рейхсмаршал Герман Геринг?!

– До вчерашнего дня я тоже считал его рейхсмаршалом, – горестно продолжал Монке. – Кто мог знать, что рядом с нами было столько сволочи, Вирт! В тот же день бежал Риббентроп... За Риббентропом исчезли Эрих Кох, Роберт Лей и Альфред Розенберг...

– Риббентроп, Лей, Кох, Розенберг, – лепетал Вирт, оглушённый этими новостями. – Господин бригаденфюрер, что всё это значит?! Как это понять?!

– Как это понять? – тихо переспросил Монке. – Как это понять?.. Буквально такой же вопрос мне задал час тому назад сам фюрер. Когда он узнал о Гиммлере, с ним была истерика.

Когда стало известно о Геринге, фюрер сказал, что всегда считал его толстой скотиной. Когда сообщили о Риббентропе, фюрер молчал. Когда ему доложили, что Кох, Лей и Розенберг тоже сбежали неизвестно куда, он заплакал и сказал мне: “Монке, объясни мне, как это понять?”. Что я мог ему ответить, Вирт?.. Я мог бы сам задать ему такой вопрос, но я его не задал... В этот момент в комнату вошла фрау Ева. Она стала гладить фюрера по голове, он заплакал ещё сильнее и прошептал: “Ева, Ева, ты одна верна своему фюреру”. Она всё гладила его, а он неожиданно вскочил, рванул на себе китель и закричал, что все эти собаки получают по заслугам, они пожалеют о том, что потеряли веру в своего фюрера, что он ещё удивит весь мир разгромом русских и тогда все увидят, кто такой фюрер и какова его сила... И тогда, Вирт, я понял, что мы все спасены...

И тут Монке испытующе поглядел на бледного Вирта. Последнюю фразу он произнёс, вдруг решив, что напрасно был так откровенен с Виртом... А что если он побежит к фюреру с доносом?..

Но и Вирт вёл свою линию. Придав лицу торжественное выражение, медленно, тоже глядя прямо в глаза Монке, он произнёс:

– Фюрер обеспечит победу! Я никогда не сомневался в этом.

И Вирт, встав и вытянув руку, закричал изо всех сил:

– Хайль Гитлер!..

– Хайль! – ответил, тоже встав, Монке.

Потом он дал разрешение пропустить Крашке и даже выразил желание лично поговорить с ним о положении в восточных провинциях.

* * *

Когда Крашке наконец пропустили в бомбоубежище, Вирт повёл его к себе по тускло освещённым длинным коридорам, облицованным смутно мерцающим кафелем. На каждом шагу стояли эсэсовцы с автоматами. Все они были из лейб-штандарта, охранявшего Гитлера. Хотя мощные вентиляторы непрерывно нагнетали в бомбоубежище свежий воздух, было душно, сыро и сильно пахло не то могилой, не то тюрьмой.

Вирт, когда Крашке заметил ему, что воздух в убежище оставляет желать лучшего, удивился и сказал, что он этого не чувствует. По-видимому, и Вирт, и все другие эсэсовцы, и, наконец, сам Гитлер уже настолько привыкли к этой подземной обстановке, что она казалась им естественной. Их, конечно, главным образом устраивало, что тут не надо бояться бомбёжек, грохот бомб, падающих на Берлин, едва слышен и вообще здесь относительно спокойно.

Пройдя с Крашке в свою комнату, отделённую от коридора, как и все остальные комнаты, тяжёлой стальной дверью, Вирт поставил на стол бутылку вина, ветчину с хлебом и начал потчевать старого приятеля.

Изрядно проголодавшийся за время своих мытарств, Крашке жадно набросился на еду. Пока он насыщался, Вирт шёпотком, то и дело озираясь и оглядываясь на дверь, рассказал о последних новостях, сообщённых Монке.

К удивлению Вирта, Крашке, ни на минуту не перестававший жевать, выслушал эти поразительные новости довольно безучастно.

– Этого следовало ожидать, – равнодушно протянул он. – Все хотят жить, и это не так уж глупо...

Крашке начал зевать. От сытости и тепла его разморило и очень хотелось спать. Вирт это заметил.

– Ложись пока отдыхать, – сказал он. – Проспишься, а утром обсудим, как быть. Потому что мы тоже хотим жить...

В задней части комнаты Вирта были две койки, расположенные, как в вагоне, одна под другой. Крашке забрался на верхнюю и мгновенно заснул. Впервые за последние недели он спал спокойно, не пробуждаясь.

Он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Очнувшись, Крашке разглядел, как в тумане, Вирта, рядом с которым стоял огромного роста человек с вытянутым, длинным лицом. Это был Монке.

– Проснись, скорее!.. Тебя вызывает фюрер, – сказал Вирт.

– Кто меня вызывает? Я хочу спать, – пробормотал спросонок Крашке, но тут Монке рванул его своей огромной лапой за ворот, и Крашке слетел с койки.

– Вам сказано – вызывает фюрер! – прохрипел Монке, и Крашке мгновенно пришёл в себя. Он хотел побриться, прежде чем идти к фюреру, но Монке не разрешил.

– Некогда бриться, – сказал он. – Скорее...

Его снова повели по тускло освещённым коридорам, мимо ээсовцев, застывших с автоматами. Впереди шёл Монке, за ним – Крашке, позади следовал Вирт.

Миновав несколько комнат, обставленных с некоторым комфортом в отличие от комнаты Вирта, они прошли в приёмную фюрера.

В ней уже находились генерал Гребс, начальник генерального штаба сухопутных войск, тучный человек с усталым, отечным лицом и набухшими мешками под глазами, новый командующий военно-воздушными силами генерал-полковник Риттер фон Грайм, назначенный вместо сбежавшего Геринга, высокий, сухой, с отличной выправкой, и комендант берлинского гарнизона генерал Вейдлинг, небритый, с опухшими, красными от бессонницы глазами.

Генералы с удивлением посмотрели на Крашке и его отрепья. Однако никто из них ничего не спросил – в такое время всё было возможно.

Потом из соседней комнаты вышел Мартин Борман, помощник Гитлера и начальник его канцелярии, и пригласил всех к фюреру.

Гитлер стоял за столом, разглядывая карту, всю испещрённую синими и красными стрелами. Рядом с ним переминался с ноги на ногу Геббельс, тощий, маленький, с кривым дёргающимся ртом.

Гитлер бросил недружелюбный взгляд на генералов, потом, увидев Крашке, коротко спросил у Монке:

– Этот?

– Да, мой фюрер...

Гитлер поманил Крашке пальцем, приглашая подойти поближе. Крашке, покашливая в кулак, приблизился к фюреру.

– Ты пришёл из Восточной Пруссии? – тихо спросил Гитлер.

– Да, мой фюрер.

– Каково состояние войск противника?.. У них есть бензин, боеприпасы, танки?..

И, не ожидая ответа, Гитлер поспешно добавил:

– Я имею точные данные, что русские войска деморализованы... Да, да, это факт. Одер станет их могилой... И Нейсе будет второй могилой... Провидение указало мне план: подпустить русских к Берлину и здесь уничтожить раз и навсегда... Вы слышите, господа? – обратился он уже к генералам.

Генералы молчали, хорошо зная, что малейшее возражение приводит Гитлера в бешенство.

– Я всегда верил в мой народ, – торжественно продолжал Гитлер. – Как мой народ всегда верил в меня... Верил и верит!.. Вот, смотрите, – и он указал пальцем на окончательно оробевшего Крашке. – Посмотрите на этого человека, на его измученное лицо, на его платье, на его обувь... Он прошёл сотни километров, занятых русскими, он выведал их секреты, он

прошёл сквозь их ряды, как нож проходит сквозь масло... Он пришёл к своему фюреру, чтобы информировать его обо всём...

Неизвестно, чем бы закончился этот монолог, если б не запел зуммер полевого телефона, связывавшего Гитлера с командованием первой полосы укреплений. Гитлер нервно схватил трубку и несколько минут слушал своего невидимого собеседника.

Потом, положив трубку, он вытер платком сразу вспотевший лоб, криво улыбнулся и тихо, почти шёпотом, сказал:

– Полчаса назад русские начали наступление... Они начали его странно: включили сотни прожекторов, чтобы ослепить мою армию... По они сами слепцы... Запомните мои слова!..

И, неожиданно повернувшись, даже не кивнув головой молча стоявшим генералам, Гитлер прошёл в свои личные апартаменты.

Было так тихо, что явственно слышался скрип его шагов.

* * *

И действительно, за полчаса до этого началась Берлинская операция. Ровно в пять часов 16 апреля 1945 года начался разгром немецкой обороны на западных берегах Одера и Нейсе. В этой операции одновременно участвовали войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

В пять часов советская артиллерия начала артиллерийскую подготовку такой мощи, какой ещё не знала история войн. Были включены 200 могучих прожекторов, ослепивших гитлеровцев, засевших на западном берегу Одера, и освещавших путь советским воинам. Беспощадный голубоватый огромной силы свет и чудовищный грохот артиллерии производили сами по себе такое впечатление, будто ночное небо расколосось и весь свет вселенной излился на весенний разлив реки, на остовы разрушенных домов, ещё кое-где сохранившиеся на берегах, на всю эту искалеченную, дымящуюся, исковерканную войной землю.

Через несколько минут после начала операции тысячи советских самолётов поднялись в небо и начали поливать бомбами и пулёмётным огнём позиции гитлеровцев. Могучий рокот моторов сливался с громом артиллерии.

Немецкие солдаты, ослеплённые зловещим и беспощадным светом прожекторов, оглушённые канонадой тысячи орудий, разрывами бомб, пулёмётными очередями, воем трассирующих реактивных снарядов, грохотом минных взрывов, всё нарастающим громом авиационных моторов, дрогнули. Многие, не выдержав всего этого, мгновенно сходили с ума, начинали истерически смеяться, плакать, кричать, выскакивали из траншей и дотов и, нелепо размахивая руками, а некоторые даже пританцовывая, бежали навстречу косившему их огненному смерчу...

А в это время советские войска уже форсировали Одер, переплывая его на плотках, баржах, резиновых лодках, лошадях, амфибиях, откуда-то взявшихся досках и паромках.

Приблизившись к западному берегу, солдаты прыгали прямо в воду и завязывали с немцами рукопашные бои.

Первая линия немецкой обороны была прорвана.

Берлинская операция стремительно развивалась, поражая весь мир грандиозностью своих масштабов, количеством авиации, танков, миномётов, самоходных пушек, реактивных орудий, а главное – героизмом и натиском советских армий и их волей к победе...

* * *

Наряду с выполнением главной задачи, войска 1-го Украинского фронта прорвались на западном направлении, взломав все линии немецкой обороны, и вышли 25 апреля широким фронтом к реке Эльбе, где в районе Торгау встретились с американскими войсками.

Так произошла историческая встреча на Эльбе, что явилось неожиданностью для американцев, никак не допускавших, что советским войскам удастся столь быстро прорваться на запад.

Впрочем, и американцев, и англичан ожидала ещё большая неожиданность: взятие Берлина советскими войсками.

* * *

Стремительный разворот событий вызвал полную растерянность Гитлера и его штаба.

Крашке, всё ещё находившийся в подземелье под зданием новой рейхсканцелярии, наблюдал эту зловещую растерянность. Гитлер, казалось, сошёл с ума. Он переходил от угроз к плачу, от плача и истерических припадков к угрозам. Генералы уже боялись докладывать ему о положении дел, потому что всякая неприятная новость приводила фюрера в бешенство и он начинал сыпать проклятия и отдавать самые противоречивые и бессмысленные приказы.

В эти же безумные дни пришла телеграмма от Геринга, которая окончательно взбесила Гитлера: Геринг предлагал фюреру отказаться от роли главы государства, поскольку, как выяснилось, фюрер для этого непригоден. В конце телеграммы Геринг скромно предлагал на пост главы государства собственную персону.

Телеграмма от Геринга поступила ночью, когда Крашке уже спал в комнате Вирта. Прибежавший Вирт разбудил Крашке и, дрожа от ужаса, рассказал об этой телеграмме и о том, что Гитлер, получив её, окончательно потерял разум и творит в своих апартаментах такое, что даже видавший виды Монке выскочил оттуда с перекошенным от страха лицом.

Каждое новое поражение своих дивизий Гитлер воспринимал только как результат измены, ежедневно сменял по телеграфу генералов и командующих, отказывался выслушивать советы или, выслушав их, поступал как раз наоборот.

Абсолютный невежда в военном деле, он всерьёз возомнил, что является гениальным полководцем, и объяснял свои поражения лишь тем, что предатели-генералы срывают его гениальные стратегические замыслы.

27 апреля на рассвете Вирт разбудил спящего Крашке и сказал ему:

– Скорее оденься, творится чёрт знает что!..

– Что случилось? – спросил Крашке, поспешно одеваясь.

– Сбежал генерал Фегелейн, – ответил Вирт. – Фюрер вне себя от возмущения... Ты же знаешь, кто такой Фегелейн...

Крашке действительно знал, что Фегелейн, генерал СС, женат на сестре Евы Браун, любовницы Гитлера, и что этот генерал был любимцем фюрера.

Узнав об его бегстве, Гитлер приказал бросить во все концы города сотрудников гестапо и во что бы то ни стало разыскать и доставить к нему сбежавшего генерала.

Приказ был выполнен, и десятки сыщиков помчались искать Фегелейна, которого в тот же день удалось обнаружить на одной из окраин Берлина. Генерала доставили в подземелье, и по приказу Гитлера он тут же был выведен во двор и расстрелян, невзирая на вопли и мольбы его жены.

На следующий день Крашке валялся на койке в комнате Вирта, мучительно пытаясь найти выход из положения, в котором он оказался, забравшись в гитлеровскую резиденцию,

ставшую в эти дни огромной мышеловкой. Вошёл Вирт и присел на край койки, закрыв лицо руками. Крашке услышал судорожное всхлипывание.

– Всё летит к чертовой матери! – наконец пролепетал Вирт. – Одни бегут, другие стреляются, третьи валяются с девками... Началось повальное пьянство...

Вирт замолчал, и, как бы в подтверждение тому, что он сказал, откуда-то снизу донеслись приглушённые крики и звуки музыки. Крашке удивлённо посмотрел на Вирта.

– Это внизу, в столовой охраны, – объяснил Вирт. – Со вчерашнего дня там содом и гоморра... Пир во время чумы!.. Пустили в оборот винотеку фюрера. Пойдём, хоть выпьем, пока ещё что-нибудь осталось.

Крашке согласился, хотя ему совсем не хотелось пить. По внутренней винтовой лестнице они спустились на один этаж и прошли в столовую офицеров охраны, огромную длинную комнату с низким, потемневшим от табачного дыма потолком. Посреди столовой были сдвинуты вместе все столы, за которыми сидели пьяные эсэсовцы в обнимку с такими же пьяными, расстрёпанными секретаршами. В углу под звуки радиолы кривлялись в фокстроте несколько пар. У буфетной стойки, уронив голову на спину стула, рыдал какой-то молодой офицер, его пыталась успокоить сидящая рядом с ним полуодетая и тоже плачущая женщина.

От криков и взрывов пьяного хохота, рёва запущенной на всю мощь радиолы, от спёртого воздуха, насыщенного винными испарениями, у Крашке закружилась голова, и он стал пробираться к двери. Здесь он неожиданно столкнулся лицом к лицу с ворвавшимся в столовую Монке.

– Встать! – заорал Монке таким голосом, что Крашке испуганно прижался к стенке. – Встать, пьяные свиньи!..

Однако в столовой стоял такой шум, что крик Монке не был услышан. Тогда, выхватив из кобуры револьвер, Монке два раза выстрелил в потолок. Это привлекло внимание. Кто-то выключил радиолу, танцующие пары остановились, крики стихли, и только офицер у стойки продолжал всхлипывать.

– Русские прорвались в метро! – снова закричал Монке. – Они пробиваются сюда... Фюрер приказал затопить соседнюю станцию... Открыть шлюзы Шпрее...

Вздых ужаса, как резкий порыв ветра, пронёсся по столовой. Какая-то женщина забилась в истерике, на неё зашикали. Плачущий у стойки офицер медленно поднялся, подошёл к Монке и прерывисто, всё ещё всхлипывая, произнёс:

– На станции тысячи женщин, детей, раненых... Фюрер сошёл с ума!..

– Молчать! – заревел Монке. – Я не позволю обсуждать приказ фюрера!

И снова выхватив револьвер, он выстрелил в офицера, сразу рухнувшего на пол. Женщины завизжали.

– Всякий, кто произнесёт хоть одно слово, будет немедленно расстрелян, – продолжал Монке. – Всем офицерам следовать за мной для выполнения приказа!..

Тяжело стуча сапогами, эсэсовцы, отрезвевшие от страха, пошли за Монке.

Вскоре мутные потоки Шпрее хлынули в подземку, затопив укрывшихся там женщин, стариков, детей, раненых офицеров и солдат. Так в последние часы своей жизни Адольф Гитлер успел увеличить на несколько тысяч человеческих жизней свой кровавый многомиллионный счёт.

– Надо как можно скорее бежать из этого проклятого подземелья, – уединившись с Крашке, шептал Вирт. – Этот сумасшедший теперь способен на всё...

Крашке согласился, что надо бежать. Но это было трудно осуществить, потому что эсэсовцы из лейб-штандарта, видимо, получив соответствующий приказ, ретиво следили за каждым человеком. Выход из подземелья охранялся особо тщательно, и на этот пост назначались только отборные эсэсовцы, в преданности которых не сомневался даже Гитлер, к тому

времени не веривший уже почти никому. Ему всюду мерещились измена, заговоры, предательства.

Между тем советские войска, всё теснее сжимая железное кольцо, зажали остатки гитлеровцев в центре города, в районе Тиргартена и прилегающих к этому парку правительственных зданий.

Тогда генерал Вейдлинг набрался смелости и сказал Гитлеру, что надо, пока не поздно, бежать. Гитлер выгнал генерала из кабинета.

Через несколько часов он и его любовница Ева Браун покончили с собой. Но и в последние часы своей жизни этот комедиант остался верен себе. Накануне самоубийства он “осчастливил” свою старую любовницу, отпраздновав бракосочетание с нею в присутствии своей свиты.

Их трупы были облиты бензином и сожжены во дворе новой рейхсканцелярии эсэсовцами. Сожжение трупов происходило под зловецкий аккомпанемент залпов.

Именно в это время Крашке и Вирт, присутствовавшие при сожжении, незаметно ускользнули со двора, решив пробираться на запад, искать новых хозяев.

Новые хозяева

Выбраться из района новой имперской канцелярии было не просто. Этот район уже был окружён со всех сторон советскими танками, миномётами, артиллерией. Страшно было на земле, но ещё страшнее было небо, багрово-чёрное от пламени и дыма пожаров. Огромный город выл и содрогался от взрывов реактивных снарядов, свиста и тяжкого грохота бомб, могучего грома сотен самолётов, пролетавших низко, почти над крышами пылающих домов.

Крашке и Вирт с трудом пробирались проходными дворами, через проломы разрушенных зданий, то бегом, то ползком. В штатском платье, с белыми повязками на рукавах, наспех сооружёнными из носовых платков, они упорно двигались на запад. Наконец, окончательно обессилев от страха и нервного напряжения, остановились среди развалин какого-то высокого дома, наполовину разрушенного фугасной бомбой.

Крашке с трудом отдышался. Его подташнивало. Это ощущение подступающей тошноты возникло у него ещё во дворе имперской канцелярии, когда эсэсовцы сжигали трупы Гитлера и Евы Браун. Их вынесли из спальни Гитлера на носилках, едва прикрытых белыми простынями.

На дворе, не глядя друг на друга, эсэсовцы молча подожгли смоченные бензином простыни, сразу вспыхнувшие со всех сторон. Синеватые языки пламени охватили всё, что осталось от Гитлера и его подруги. Один из эсэсовцев, черпая лейкой бензин из железной бочки, всё время поддерживал костёр. Отвратительный запах горящего мяса заставил Крашке вздрогнуть. Именно в этот момент к горлу подступила тошнота, от которой он не мог избавиться.

Теперь, прислонившись спиной к каменным обломкам дома, Крашке не мог справиться с рвотными судорогами. Его вырвало. Вирт с усмешкой поглядел на него.

– Я вижу, Ганс, – прокричал он в самое ухо Крашке, чтобы тот его услышал, – тебе дурно от страха. Ты прав, приятель, я никогда не думал, что небо может так грохотать... Надо скорее выбраться из этого ада, иначе – капут...

– Легко сказать – выбраться, – заорал в ответ Крашке. – И ещё неизвестно, что ожидает нас на западе...

Вирт вынул из потайного кармана пиджака какие-то бумаги и торжественно помахал ими перед самым носом Крашке. Но у того начался новый приступ рвоты, и Вирт, безнадежно махнув рукой, спрятал свои бумаги.

Немного отдохнув, эсэсовцы двинулись в путь. Им удалось пробраться на западные окраины Берлина. Там, в каком-то опустевшем доме, видимо, покинутом владельцами, они снова отдохнули. Вирт достал из кармана бутерброды с ветчиной и угостил Крашке. Но едва они начали есть, фантастический, чудовищный гром, казалось, расколол небо, землю, всю вселенную. Они выглянули в окно и увидели огненный смерч, бивший со всех сторон по центру Берлина. С воем неслись молнии ракетных снарядов, тяжело ухали пушки, визжали сотни падающих с неба бомб. Весь этот невообразимый гром, вой, свист и уханье время от времени подчёркивало тысячеголосое “ура!”, доносившееся даже до окраины города из центра.

Это выполнялась историческая команда: “Огонь на весь режим, изо всех видов оружия!”, отданная ровно в 11 часов 30 минут утра тридцатого апреля 1945 года в пылающем Берлине.

Это были последние минуты агонии гитлеровской столицы.

* * *

Только через несколько дней, пробираясь главным образом ночами, обходя улицы и площади, пригородные посёлки, отдыхая в мёртвых, брошенных домах и каменных катакомбах,

образовавшихся из развалин целых улиц, Крашке и Вирт выбрались наконец из района Большого Берлина.

Ни у кого не вызывали в те дни подозрений и интереса эти два пожилых, давно не бритых человека с белыми повязками на рукавах, устало бредущих по боковым дорогам. Тысячи таких же измученных, грязных и небритых людей, точно с такими же белыми повязками и измученными лицами, с потухшими от отчаяния глазами плелись в те дни по всем дорогам, копались в мусорных ящиках в поисках хлебных корок и окурков, а потом снова брели дальше, направляясь неведомо куда, к кому, зачем. В эти майские дни вся Германия, казалось, была затоплена потоками беженцев, людьми, потерявшими кров и близких, с тупым отчаянием взиравших на развалины искалеченных городов и деревень, так выразительно свидетельствовавшие о возмездии, постигшем фашистских властителей.

Многие немцы, одичавшие за двенадцать лет гитлеровского режима, сбитые с толку, приученные во всём слепо полагаться на “божественный разум” фюрера, обещавшего господство над миром, лишь теперь начинали приходить в себя, с ужасом глядя на обломки “Третьей империи”.

Одни, ещё продолжая верить в предостережения Геббельса, что всех немцев ожидает лютая Сибирь, спасались от неё бегством на запад. Другие, напротив, стремились из западных районов на восток, уже прослышав, что там советские военные коменданты налаживают питание населения, никого не отправляют в Сибирь и буквально в первые же дни организуют восстановление городов и предприятий.

Слухи доходили до западных районов Германии какими-то неведомыми путями, потому что ещё не было газет, не везде работала телефонная связь. Но так или иначе слухи эти доходили, всё более множились, дополняя друг друга, и всё здоровое, что было в немецком народе, инстинктивно, а иногда и сознательно тянулось к мирной жизни, к новой демократической Германии...

В эти смутные и смятенные дни наблюдательный человек уже мог уловить первые симптомы того, что окончательно определилось через несколько месяцев. Бросалось в глаза, что бывшие эсэсовцы и нацисты, как по команде, ринулись на запад, рассчитывая найти там спасение. Туда, именно туда, были вывезены секретные гитлеровские архивы. Туда пробирались всеми возможными и невозможными путями бывшие гестаповские чиновники, палачи, начальники концлагерей, министерские воротилы, битые гитлеровские генералы, крупные помещики и промышленники.

В то время как отдельные уцелевшие гитлеровские части продолжали ещё кое-где оказывать ожесточённое сопротивление Советской Армии, стремительно наступавшей с разных сторон, на западе целые дивизии и города сдавались англо-американским войскам без единого выстрела, иногда даже по телефону.

Это не было случайностью или цепью случайностей. Ещё 25 апреля британский посланник в Швеции секретно телеграфировал английскому премьеру Черчиллю:

“1. Шведский Министр Иностранных Дел попросил меня и моего американского коллегу прибыть к нему в 23 часа 24 апреля. Присутствовали также г-н Бохеман и граф Бернадотт из Шведского Красного Креста.

2. Бернадотт возвратился из Германии через Данию сегодня вечером. Гиммлер, который находился на восточном фронте, просил его срочно прибыть из Фленсбурга, где он выполнял работу по поручению Красного Креста, для встречи с ним в Северной Германии. Бернадотт предложил Любек, где в час ночи 24 апреля и состоялась встреча. Хотя Гиммлер был усталым и признавал, что наступил конец Германии, он сохранял ещё присутствие духа и способность здраво рассуждать.

3. Гиммлер сказал, что Гитлер столь безнадежно болен, что может быть уже умер или во всяком случае умрёт в течение следующих двух дней. Генерал Шелленберг, из ставки Гиммлера, сообщил Бернадотту, что это кровоизлияние в мозг.

4. Гиммлер заявил, что, пока Гитлер был жив, он, Гиммлер, не мог предпринимать предлагаемых им теперь шагов, но, поскольку Гитлер – конченный человек, он обладает всеми полномочиями действовать. Затем он просил Бернадотта сообщить Шведскому Правительству о его желании, чтобы оно приняло меры для организации его встречи с генералом Эйзенхауэром с целью капитуляции на всём западном фронте...”

Далее британский посол докладывал Черчиллю, что шведский “Министр Иностранных Дел полагал, что информацию Бернадотта следовало передать Правительствам Великобритании и Соединённых Штатов, которые, поскольку это касается Шведского Правительства, имеют полную свободу передать её Советскому Правительству, так как Шведское Правительство ни в коем случае не хочет быть орудием, содействующим любой попытке посеять раздор между союзниками, и не хочет, чтобы его рассматривали в качестве такого орудия. Единственной причиной, по которой Шведское Правительство не смогло информировать Советское Правительство непосредственно, является то, что Гиммлер обусловил, что эта информация предназначается исключительно для западных союзников”.

Как выяснилось в дальнейшем, Гиммлер обманывал Бернадотта: он заверил его, что Гитлер безнадежно болен, чего на самом деле не было, и скрыл, что он бежал от Гитлера, чтобы вступить в переговоры с западными противниками Германии.

Но, обманывая Бернадотта в деталях, Гиммлер надеялся договориться с англичанами и американцами. Этого не случилось. Однако политика Гиммлера была подхвачена его подчинёнными и выразилась в их устремлении на запад.

Как только Крашке и Вирт очутились в Западной Германии, они сразу обрели бодрость духа. Их очень подбодрили многочисленные встречи с эсэсовцами, как и они пробиравшимися на запад и отлично себя здесь чувствовавшими. Никто из них не опасался преследований со стороны англо-американских военных властей. Напротив, некоторые уже нашли общий язык с этими властями, охотно пользовавшимися их услугами.

Разумеется, американские и английские военные власти делали вид, что намерены выполнять принятые на себя обязательства по денацификации и привлечению к судебной ответственности гитлеровских военных преступников. Пришлось арестовать наиболее известных деятелей “Третьей империи”, имена которых были уже чересчур одиозны, а также особенно крупных чиновников гестапо. Так были арестованы Геринг, Гиммлер, Риббентроп, заместитель Гиммлера – Кальтенбруннер и некоторые другие.

Гиммлер был арестован англичанами, с которыми он ещё до этого вступил в переговоры. Когда представитель советских военных властей приехал для допроса Гиммлера (в этом британские власти, естественно, не могли ему отказать), он застал Гиммлера уже мёртвым. Показав своему советскому гостю труп Гиммлера, англичане рассказали, что он отравился, узнав, что приезжает представитель советских властей для его допроса. Англичане добавили, что Гиммлер, как оказалось, отравился особым ядом, хранившимся у него в ампуле, запрятанной в полости искусственного зуба, чего, к сожалению им своевременно не удалось обнаружить...

Были также арестованы и крупнейшие германские финансисты и промышленники, совершившие тяжчайшие военные преступления вроде Шахта, Круппов – отца и сына.

Но – странное дело – арестованные промышленники и гитлеровские палачи почему-то не теряли надежд на лучшее будущее. В тюрьмах они пользовались удивительным комфортом, отлично питались, получали свидания со своими близкими и, судя по всему, рассматривали тюрьму, как временное и в данных обстоятельствах наиболее надёжное убежище...

– Нет, что ни говорите, джентльмены, но эти эсэсовцы – отлично вышколенные и деловые парни, – сказал на одном из секретных совещаний американских оккупационных властей видный генерал. – Они всегда понимают, что от них требуется, умеют держать язык за зубами и готовы решительно на всё... Если уж приходится иметь дело с немцами, то я – за бывших нацистов и эсэсовцев... Тем более что нам следует думать о будущем...

И генерал многозначительно улыбнулся, так и не уточнив, о каком именно будущем идёт речь. Впрочем, в таком уточнении и не было нужды, потому что коллеги генерала отлично понимали его без лишних слов.

Разумеется, это “будущее” пока держалось в большом секрете. Широкие массы американских солдат и строевых офицеров о нём не догадывались. Среди них было немало честных и простых парней, искренне ненавидевших фашизм, храбро дравшихся с общим врагом. Эти люди с уважением и симпатией говорили о подвигах Советской Армии, отдавая должное её мужеству, военному мастерству, решающей роли, которую она сыграла в борьбе с гитлеризмом и его разгроме.

Когда на Эльбе произошла историческая встреча советской и американской армий, она превратилась в мощную демонстрацию военного братства и дружбы. Американцы и русские сразу нашли общий язык, ездили друг к другу в гости, обменивались сувенирами. Русские песни нередко можно было услышать в американских частях. В личных встречах, душевных разговорах и откровенных беседах росли симпатии простых американцев к советским людям.

Не потому ли очень скоро начался странный процесс: американских солдат и офицеров, принимавших участие в военных действиях, отличившихся в боях с гитлеровцами, начали энергично демобилизовывать или под разными предлогами возвращать на родину. Вместо них вызывались совсем другие люди, не принимавшие участия в войне, не встречавшиеся с советскими военными, отобранные по определённому принципу...

Состав американских оккупационных войск менялся с фантастической быстротой. Были значительно усилены группы “ЭМ ПИ” – американской военной полиции. Разрослись штаты военной и политической разведки, щупальца которой проникали в самые глухие углы.

И с самых первых дней после победы над гитлеровской у Германией американские военные власти начали зловещую игру в отношении многих тысяч бывших советских военнопленных и так называемых “перемещённых лиц”. Началось с того, что десяткам тысяч этих людей американские власти под самыми фантастическими предлогами не позволяли возвратиться на родину. Были пущены в ход всевозможные методы обработки, обмана, запугивания, подкупа, угроз. Специально подобранные среди эмигрантских подонков пропагандисты и шпионы были брошены в лагеря перемещённых лиц. К этой подлой и страшной “работе” были широко привлечены также многие бывшие эсэсовцы, гестаповцы и “специалисты” по организации концлагерей с особо суровым режимом и тюрем.

Пренебрегая элементарными нормами международного права и общепринятой морали, организаторы этой грязной игры проводили её не только с взрослыми людьми – бывшими военнопленными и насильно угнанными в своё время советскими гражданами, принудительно работавшими в немецкой промышленности, – но даже и по отношению к советским детям и подросткам, в годы войны насильно вывезенным в “Третью империю”, на всеветную гитлеровскую каторгу.

* * *

Пробираясь на запад, Крашке и Вирт, конечно, рассчитывали, что они так или иначе устроятся у новых хозяев. Впечатления первых дней пребывания в американской зоне оккупации укрепили их расчёты и надежды.

Именно в эти дни Вирт, оставшись однажды наедине с Крашке, вернулся к разговору, неудачно начатому в развалинах дома в Берлине в тот день, когда они бежали со двора новой имперской канцелярии. На прямой вопрос Крашке – каковы конкретные планы приятеля и что за бумаги он показал ему в тот день в Берлине – Вирт, немного подумав, ответил:

– Скажу тебе откровенно, Ганс, я пришёл сюда не с пустыми руками. Полагаю, что американцы встретят нас наилучшим образом...

– Я вижу, ты большой оптимист, – произнёс Крашке, покачивая головой. – Можно подумать, что американцы не спят ночей, поджидая нашего прибытия... Чепуха!..

– Милый Ганс, ты сильно поглупел в последнее время, – добродушно огрызнулся Вирт. – Повторяю, нас встретят наилучшим образом. Я имею для дяди Сэма большие сюрпризы, Ганс.

И Вирт снова вынул из потайного кармана какие-то бумаги и торжественно помахал ими перед носом Крашке.

– Не иначе как ты везёшь им план обороны Берлина, – ядовито заметил Крашке. – Что и говорить, теперь этот план для американцев просто находка!.. От души поздравляю тебя!..

Вирт поморщился, начиная всерьёз злиться. Этот разговор происходил на самой окраине Нюрнберга, в маленькой пивнушке, где в этот час никого не было. В глубине комнаты, за стойкой, пожилая седая немка вязала чулок.

– Ну так слушай меня внимательно, Ганс, – осторожно оглянувшись, тихо начал Вирт. – У меня есть нечто гораздо более интересное, нежели план обороны Берлина. В течение последних двух лет мне приходилось выполнять некоторые особые поручения нашего дорогого Гиммлера... Господин рейхсфюрер СС оказал мне высокое доверие, Ганс... По его заданию я организовал секретные встречи германских промышленников с американцами...

– С американцами? – приглушённо воскликнул Крашке, не веря своим ушам. – Ты так сказал?

– Да, я не оговорился, – ухмыльнулся Вирт. – Именно с американцами. У тебя отличный слух, Ганс.

– А, понимаю, переговоры о сепаратном мире, – понимающе улыбнулся Крашке. – Я не сразу сообразил...

– Нет, дорогой Ганс, не о сепаратном мире, – медленно протянул Вирт. – Тогда ещё наш дорогой фюрер и не помышлял о мире. Речь идёт совсем о другом...

– Тогда я отказываюсь тебя понимать, – произнёс Крашке. – О чём ты говоришь?

– Я говорю о фактах, составляющих величайшую тайну этой войны. Дело в том, что даже в самом её разгаре наши промышленники не прекращали деловых связей с американскими промышленными королями. В Париже, например, эти переговоры велись с отделением банкирского дома “Дж. П. Морган энд Ке”, а также с “Чейз нэйшнл бэнк”. В Базеле переговоры велись с “Банком международных расчётов”... Но самое любопытное произошло в Лиссабоне: там секретно собрались и очень мило пили кофе за круглым столом наши промышленники с представителями монополий Америки, Франции и Италии. Я сам организовал эту встречу, точнее, мне было поручено обеспечить её абсолютную секретность. Кажется, я с этим справился, мой милый, наивный Ганс... Кстати, для девушки наивность – дополнительный козырь. Для старого разведчика – не сказал бы... О, ты даже не потерял способности краснеть!..

И Вирт обидно захохотал. Крашке сидел, разинув рот. Ему было не по себе.

– Слушай дальше, – продолжал Вирт, с выражением снисходительного превосходства глядя на смущённого Крашке. – Через три месяца я вылетел в Страсбург с личными представителями Круппа, Рехлинга и Мессершмидта. Если ты думаешь, что они встречались в Страсбурге с американскими промышленниками для игры в покер, то ты далёк от истины... Впрочем, не смущайся, в своё время я был так же наивен, как ты. Ещё в 1943 году мне удалось перехватить секретное письмо нашего финансового гения доктора Шахта, адресованное американским промышленникам. Я был счастлив, решив, что Гиммлер щедро наградит меня за

такой материал. Я принёс ему лично перехваченное письмо, мысленно прикидывая, что я за это получу. Можешь себе представить моё удивление, когда рейхсфюрер СС, прочитав это письмо, начал почему-то улыбаться, а затем выгнал меня из кабинета, сказав, чтобы я не смел совать свой нос куда не следует... Мне даже послышалось что-то вроде слова “кретин”... Тогда я всё понял...

– Неужели это правда? – не выдержал Крашке.

Вирт опять рассмеялся.

– Как то, что мы сидим в этом сарае и пьём это ужасное пиво из древесных опилок, – ответил Вирт. – Боже мой, думал ли я когда-нибудь, что мне придётся отведать подобную дрянь? Ах, Ганс, Ганс, как нелепо устроена жизнь!.. Короче, война есть война, а коммерция есть коммерция. Какая фирма откажется продать товар на выгодных условиях?.. У меня хватило разума на всякий случай сохранить эти записи. Я сам принимал участие в отгрузке и транспортировке в Германию окольными путями американских стратегических материалов... В этих бумагах все данные – названия портов и пароходов, списки материалов, наименования фирм, через которые проводились эти операции, даты отправки, одним словом, всё... Любая экспертиза подтвердит, что этого не выдумаешь... Кроме того, у меня есть и косвенные доказательства... Если все адвокаты Америки соберутся вместе, чтобы опровергнуть мои данные, у них ничего не выйдет!.. Вечная память моему покойному отцу, который всегда мне говорил: “Михель, запомни раз и навсегда, что важные факты надо записывать, не полагаясь на память. Ведь её могут отшибить. Записанное храни, а при случае – выгодно продай. Запомни, Михель, что каждый торгует, чем может: фабрикант – товарами, поэт – стихами, содержатель публичного дома – девками, министры – самими собой. Мы, сыщики, можем торговать лишь одним – чужими секретами. И чем больше секрет, тем он дороже стоит”... Так говорил мне покойный фатер, служивший в полиции ещё при кайзере Вильгельме...

– Дай-ка мне взглянуть на эти документы, – протянул руку Крашке. – Кто знает, может и в самом деле они чего-нибудь стоят...

– Э, нет, милый Ганс, – перебил его Вирт. – Я вижу, ты вовсе не так глуп, как хочешь иногда казаться... Заруби себе на носу, что до этих документов тебе нет никакого дела!.. Ибо, как говорил мой отец, стоимость любого секрета, если он становится известным второму человеку, падает вдвое, если становится известным третьему – втрое, а если об этом секрете узнает хоть одна женщина, то он вообще уже ничего не стоит...

И худой, сильно отощавший Вирт обнажил в улыбке свои гнилые, прокуренные зубы, поблескивавшие золотыми пломбами и многочисленными коронками. Потом, почесав лысую яйцевидную голову и весело подмигнув обескураженному Крашке, Вирт сказал:

– Не огорчайся, я тебе помогу. Этих документов более чем достаточно, чтобы обеспечить на всю жизнь таких двух пожилых немцев, как мы с тобой. Тем более нет смысла обесценивать их. Пошли!..

И Вирт встал, потянулся, бросил на стол деньги за пиво и бодро направился к выходу. Крашке поплёлся за ним, раздумывая над тем, что ему только что стало известно.

* * *

Нюрнберг был сильно разрушен жестокими бомбёжками. Среди обломков старинных каменных зданий, замков, кирх чудом уцелел памятник великому немецкому художнику Дюреру. Он стоял среди уродливых каменных глыб, железных балок, одиноко торчавших труб, как бы с удивлением глядя на то, что осталось от старинного германского города. Именно в этом городе Гитлер любил устраивать пышные средневековые “факельцуги”, здесь проводились пресловутые партийтаги – съезды нацистской партии. Здесь были приняты чудовищные Нюрнбергские законы, удивившие своей жестокостью весь мир.

Крашке и Вирт добрались до знаменитого нюрнбергского стадиона, выстроенного по приказу Гитлера специально для партийтагов и нацистских торжеств.

Стадион – весь из бетона и железа – был построен по вкусу Гитлера в стиле древнеримских форумов и цирков. Его огромная чаша, вмещавшая десятки тысяч людей, служила местом особенно пышных парадов и заседаний. Гитлер не раз выступал на этом стадионе.

Стадион совсем не пострадал от бомбёжек. Его серые громады мрачно выселись над разрушенным городом. Крашке и Вирт обошли пустые трибуны, вспоминая торжества, которые здесь происходили ещё несколько лет тому назад. Гром оркестров, тысячи марширующих штурмовиков и эсэсовцев, знамена со свастикой, колыхавшиеся от звуков сотен фанфар и труб, восторженный рёв, который издавали десятки тысяч глоток при появлении на трибуне Адольфа Гитлера...

– Ах, дорогой Ганс, всё на этом свете дым, мираж и сон, – прочувствованно произнёс Вирт, склонный к философским рассуждениям. – Помнишь, как рывкали здесь “Хайль Гитлер!.. Зиг хайль!..” Голуби от воздушной волны, поднимаемой этими криками, взмывали в небо без взмахов крыльями!.. В эти минуты мне казалось, что дрожит даже бетон стадиона... А шёлк знамен, медь оркестров, шлемы штурмовиков? А ночные шествия с горящими факелами? Казалось, что улицы корчатся в пламени пожаров. Меня тогда назначили в личную охрану фюрера, и я, осёл, считал, что сделал фантастическую карьеру!.. Я забыл слова моего мудрого отца: “Михель, человека способны погубить пять пороков: шнапс, бабы, честолюбие, длинный язык и близость к начальству”. Слушай, посмотри налево, будь я проклят, если это не Август Мильх!..

Крашке посмотрел налево и увидел сутулого, высокого человека, в унылом одиночестве пробиравшегося между трибунами стадиона. Кажется, это действительно был оберштурмбаннфюрер Август Мильх, любимец Гимmlера, ведавший охраной военных заводов, лабораторий и секретных испытательных станций, где, как не раз уверял Гитлер, создается новое, особо секретное оружие, которому суждено покорить мир.

Теперь этот важный эсэовец, всегда гордившийся своей близостью к Гимmlеру, медленно шёл по стадиону, о чём-то задумавшись, с низко опущенной головой.

– Да, это он, – сказал наконец Крашке. – Интересно, что он тут делает, на пустом стадионе?

– Очевидно, предаётся воспоминаниям, как и мы с тобой, – ответил Вирт. – Пойдём, мне очень любопытно с ним поговорить...

Почти бегом Вирт, а за ним Крашке бросились к Мильху. Услышав топот, звучавший особенно отчётливо на пустынном стадионе, Мильх поднял свои близорукие глаза, настороженно рассматривал бегущих. Видимо, он наконец узнал старых сослуживцев, потому что изобразил на своём длинном сухом лице с большим, загнутым книзу носом и тонкими губами некое подобие улыбки.

– Герр Август, какая встреча! – закричал Вирт, подбегая к Мильху. – Я сразу узнал вас, коллега!.. Это Крашке – вы узнаете этого старого волка?

– Да, да, Вирт, как же, я узнаю вас обоих, – ответил, подозрительно разглядывая Вирта и Крашке, Мильх. – Я тоже рад вас видеть, даже при таких обстоятельствах... Вы давно в Нюрнберге?

– Пару дней, герр Август, – ответил Вирт. – А вы?

– Я – около месяца. Вы надолго сюда?

– Кто может знать, господин оберштурмбаннфюрер, – по старой привычке назвал Мильха Крашке. – В такое время ни один немец не может знать, что с ним будет завтра...

– Но любой немец, господин Крашке, – сердито произнёс Мильх, – уже должен понимать, что упоминание старых чинов никому не доставляет удовольствия. Признателен за то, что вы так хорошо помните, кем я был, но буду ещё признательнее, если вы забудете об этом раз

и навсегда... В свою очередь, любезный Крашке, я тоже обещаю забыть ваше блистательное прошлое... Надеюсь, вы не обидитесь на меня за это?

И Мильх язвительно усмехнулся.

– Извините, господин Мильх, – смущённо сказал Крашке. – Сила привычки...

– Понимаю. Но есть привычки, которые лучше бросить, если дорожишь своей головой, – в том же тоне произнёс Мильх.

– Вы правы, герр Август, – сказал Вирт. – Всякому немцу теперь стоит призадуматься над тем, как сохранить жизнь... Как раз на эту тему я был бы счастлив выслушать ваши мудрые советы...

Мильх самодовольно улыбнулся. Он всегда любил лезть, и это свойство его характера было хорошо известно Вирту.

– Что ж, я всегда готов дать совет тому, кто в нём нуждается, – благосклонно ответил Мильх. – Вы можете присесть вот здесь, кроме нас, тут никого нет, и можно спокойно поговорить о трудных обстоятельствах, в которых, к сожалению, мы все оказались...

Старые сослуживцы расположились на одной из трибун, и начался откровенный разговор. Оказалось, что Мильх уже связался с американской разведкой и работает по её заданиям.

– Мне пригодилась прежняя специальность, – заметил он улыбувшись. – Вообще, по моим наблюдениям, американцы не собираются преследовать наших бывших работников. Конечно, надо учитывать политику, господина. Кое-кого им пришлось арестовать, и нюрнбергская тюрьма набита, как бочка сельдями, нашим бывшим самым высоким начальством. Но не пугайтесь. Полковник, с которым я теперь работаю, мне как-то прямо сказал, что всё это – дань политике... Сейчас иначе нельзя, сказал он, но в будущем найдётся работёнка и для тех, кто пока сидит в тюрьме...

– Так прямо и сказал? – с волнением переспросил Вирт.

– Да. И я ему верю. В общем, мы с ним сработались. Дело в том, что ему поручена работа по патентам... Особенно его занимает проблема наших “фау”... А так как я в этой области, как вам известно, достаточно осведомлён, то у меня нет оснований беспокоиться за свою судьбу... Американцы, как и англичане, не имеют своих ракетных снарядов... В самые последние месяцы войны наши “фау” причинили англичанам немало неприятностей...

– Русские имели свою ракетную технику, – вмешался в разговор Крашке. – Их орудия “Л-2”, сконструированные инженером Леонтьевым, стоили нам недёшево, господин Мильх...

Мильх внимательно посмотрел на Крашке и неожиданно хлопнул себя по лбу.

– Что значит склероз!.. – воскликнул он. – Я совсем забыл, что именно вы, дорогой Крашке, занимались этим московским инженером Леонтьевым... Да, да, конечно!.. Операция “Сириус”, как мог я об этом забыть!.. Как забывчива старость, друзья!.. Какое счастье, что мы встретились!..

Вирт внимательно посмотрел на Мильха, сразу заметив, как резко тот изменил свой тон. Заметил это и Крашке. По-видимому, инженер Леонтьев и теперь как-то интересовал Мильха. Обменявшись взглядами, Крашке и Вирт без слов поняли друг друга. Надо было осторожно выяснить причины такой резкой перемены в тоне Мильха.

– Ах, это всё уже далёкое прошлое, господин Мильх. – со вздохом протянул Крашке. – Кому нужна сейчас операция “Сириус”? ...Какое дело американцам до этого советского инженера Леонтьева?.. Вы сами говорили, что о нашем прошлом лучше позабыть... И, честное слово, вы глубоко правы!..

– Прошлое прошлому рознь, уважаемый Крашке, – горячо возразил Мильх. – К вашему сведению, все эти проблемы отнюдь не потеряли своего значения... Да что же мы сидим на этом пустынном стадионе, друзья!.. Как будто не найдется другого места, где старые товарищи могли бы побеседовать, как положено, за бутылкой шнапса, вспомнить свою молодость и помочь друг другу в беде, чёрт возьми!.. Да, да, помочь! Пойдём ко мне, я живу здесь поблизости, у меня

найдётся для такой приятной встречи всё, что полагается по нашим старым добрым немецким обычаям!

И Мильх весело вскочил, улыбаясь самым приветливым и простодушным образом. Куда девались его важность, его подозрительный взгляд, его настороженный тон!.. Всего несколько минут назад он отчитывал Крашке, а теперь глядел на него нежно и доброжелательно, с такой милой и приветливой улыбкой...

– Ну что ж, можно и пойти, – тоже с наигранным добродушием протянул Крашке, сразу внутренне собравшись. Он уже понял, что этот старый волк Мильх почему-то очень заинтересован подробностями, связанными с именем советского конструктора Леонтьева, того самого Леонтьева, из-за которого Крашке довелось пережить такую уйму неприятностей. Кто знает, может быть теперь благодаря тому же Леонтьеву он, Крашке, сумеет прилично устроиться в это ужасное время! Во всяком случае надо вести себя сдержанно и больше слушать, чем говорить.

Повеселел и Вирт, сразу оценивший перемену в настроении Мильха. Если этот старый мерзавец так мило улыбается и даже готов угостить своих бывших сослуживцев, то это значит... это многое значит, чёрт возьми!.. Скорее всего, что советский конструктор Леонтьев причинил немало хлопот не одним немцам, иначе Мильх не проявлял бы к нему интереса. Ну что ж, посмотрим, чем всё это кончится. Надо предупредить Крашке, чтобы он пока не выкладывал на стол все свои козыри и взял хорошую цену за свои сведения о Леонтьеве. Пусть они пока занимаются этим делом, которому грош цена по сравнению с теми материалами, которыми располагает он, Вирт, благодаря всевышнему... Уж он-то знает цену тому, что знает!.. Сто тысяч долларов – вот минимальная цена!.. И ни цента меньше!.. Нет, двести тысяч долларов – и никаких разговоров, джентльмены!.. Иначе весь мир узнает о том, как вы в самый разгар войны тайно встречались с германскими промышленниками и поставляли стратегические материалы Адольфу Гитлеру, чёрт бы вас побрал!.. А пока идём к этому Мильху, пусть угощает своих старых сослуживцев!

И три бывших эсэсовца, дружелюбно похлопывая друг друга по плечу, весело пошли, очень довольные своей неожиданной встречей.

* * *

Полковник Артур Грейвуд, которого (не назвав его фамилии) упомянул оберштурмбаннфюрер Мильх в разговоре с Крашке и Виртом, был старым работником американской разведки. Теперь, обосновавшись в Нюрнберге, Грейвуд энергично собирал данные о немецком ракетном оружии.

Для своих пятидесяти лет полковник Грейвуд выглядел молодо. Это был высокий, хорошо сложенный человек со спортивной выправкой и отличным цветом лица. Его седая шевелюра лишь подчёркивала совсем молодой румянец щёк, всегда гладко выбритых, отменно выхоленных, свежих.

Мистер Артур Грейвуд внимательно следил за своим здоровьем, аккуратно соблюдал раз и навсегда установленный режим. Утром, ещё до завтрака, он выпивал полагающийся стакан джюза – сока из грейпфрута, отдавал пятнадцать минут гимнастике, и затем с аппетитом завтракал – чашка овсянки, два яйца, поджаренная горячая ветчина и крепкий кофе. Так проходил весь день по строгому расписанию.

Фрейлейн Эрна, молоденькая, хорошенькая, большеглазая немка, выполнявшая обязанности экономки, но успешно справлявшаяся и с некоторыми дополнительными нагрузками, была отлично вышколена и твёрдо соблюдала раз и навсегда установленный порядок. Утром, подавая хозяину стакан джюза, она уже была, как требовал строгий мистер Грейвуд, в полной парадной форме, в обязательном кружевном фартучке и со старательно “сделанным” лицом, надушенная, улыбающаяся, кокетливая.

В первые же дни своего приезда в Нюрнберг, познакомившись с фрейлейн Эрной в парикмахерской “Грандотеля”, где она работала маникюршей, полковник Грейвуд сделал ей деловое предложение – стать его экономкой. Фрейлейн сразу приняла все условия и теперь была очень довольна своей карьерой. Грейвуд тоже был доволен своей экономкой. Она хорошо готовила, была исполнительна, поддерживала идеальный порядок в занимаемой им вилле, а главное – умела держать язык за зубами и никуда не отлучалась.

Со своей уже довольно обширной агентурой полковник Грейвуд встречался где угодно, кроме своей виллы. Он придерживался правила, что власть требует престижа, а престиж требует дистанции между начальником и подчинёнными.

Вот почему мистер Грейвуд очень удивился, когда однажды вечером в его кабинет, где он, лёжа на диване, перелистывал свежий номер “Лайфа”, вошла фрейлейн Эрна и доложила, что его спрашивает “по весьма срочному делу” какой-то Мильх.

Грейвуд недовольно поморщился и хотел было послать этого Мильха ко всем чертям за появление без разрешения в его вилле. Однако, подумав, он сообразил, что если этот корректный, исполнительный и старательный немец позволил себе прийти в неурочное время и в непопуганное место, то для этого имеются серьёзные основания.

– Пригласите его сюда, Эрна, – сказал полковник, и молодая женщина, легко постукивая каблукчиками, вышла из кабинета.

Через две минуты, почтительно покашливая, в комнате появился Мильх.

– Добрый вечер, мистер Грейвуд, – начал он. – Извините, что я пришёл без разрешения, но есть важная новость...

– Именно? – сухо спросил Грейвуд, не поднимаясь с дивана и не приглашая Мильха присесть.

– Мне удалось разыскать того человека, который в своё время занимался операцией “Сириус”, – многозначительно ответил Мильх. – Если господину полковнику будет угодно вспомнить, он ставил передо мной такую задачу...

Господину полковнику, видимо, было угодно вспомнить, потому что он сразу вскочил с дивана, но тут же, пожалев, что выдал свою заинтересованность, сделал вид, что поднялся за сигаретой.

– Гм... Операция “Сириус”... Я что-то не совсем припоминаю, Мильх... О чём там шла речь?

– О советском оружии “Л-2”, мистер Грейвуд, и конструкторе Леонтьеве, – поспешно ответил Мильх. – Вы обнаружили в архивах гестапо дело по операции “Сириус” и подробно меня расспрашивали, мистер Грейвуд...

– Да, да, что-то было... – с самым рассеянным видом произнёс Грейвуд, хотя отлично знал, о каком деле идёт речь. – Если я не ошибаюсь, Мильх, ваша фирма весьма оскандалилась с этой операцией, ха-ха... Вам удалось сфотографировать чертежи оружия, но в последний момент на вокзале в Москве фотоплёнку выкрали у вашего сотрудника... Кажется, так?

– Меня всегда восхищает ваша память, мистер Грейвуд, – улыбнулся Мильх, отлично разгадавший игру, начатую шефом. – Всё было именно так...

– Значит, вы говорите о сотруднике, который попал в столь непристойное положение? – язвительно спросил Грейвуд.

– Да, мистер Грейвуд, о нём. Но этот сотрудник всё же добыл чертежи. Он всю жизнь работал по русскому профилю, мистер Грейвуд. Его фамилия Крашке.

– Где же этот Крашке?

– У меня дома, мистер Грейвуд. В любую минуту он к вашим услугам...

– Откуда он появился?

– Из Берлина, мистер Грейвуд...

И Мильх подробно доложил полковнику о случайной встрече на стадионе с Виргом и Крашке, рассказавшими о всех своих злоключениях.

– Им известно что-либо о судьбе Леонтьева? – спросил Грейвуд.

– Нет, мистер Грейвуд. Наша служба, как я вам в своё время докладывал, в последний раз имела сообщение о Леонтьеве в связи с его приездом в Дебице, мистер Грейвуд... Я вам докладывал об этом неделю тому назад, если вы помните.

– Дебице? Дебице? – пробормотал Грейвуд. – Да, был какой-то разговор. Вы мне показывали донесение из Дебице, если не ошибаюсь.

– Совершенно верно. Позвольте напомнить. На нашей экспериментальной станции в Дебице, в Польше, мы производили испытания летающих ракет. Потом, когда советские войска прорвались в Польшу, нам пришлось эвакуироваться из Дебице. Вследствие спешки, вызванной неожиданным прорывом русских, наше командование не сумело своевременно эвакуировать все агрегаты станции, и в панике многое там оставило... Лица, виновные в этой панике, были строго наказаны...

– Слушайте, Мильх, – сердито произнёс Грейвуд. – Если вы думаете, что меня интересует вопрос об этих виновных...

– Извините, мистер Грейвуд, я просто докладываю всё по порядку. Итак, русские заняли Дебице. К счастью, там сохранился один наш агент. И он потом прислал нам донесение, что в Дебице приезжала целая комиссия, в том числе и англичане... Вместе с ними приезжал и Леонтьев...

– Да, да, теперь припоминаю, – сказал Грейвуд, который знал о Дебице гораздо больше, чем Мильх. – Хорошо, привезите мне этого Крашке завтра утром... На третью точку, Мильх...

– Слушаю, мистер Грейвуд. Ровно в десять?

– Да, как всегда...

– Всего хорошего, мистер Грейвуд. Ещё раз извините, что явился без разрешения. Я полагал, что это срочное дело...

– Ничего срочного в этом деле не нахожу, – пробурчал Грейвуд и кивком головы дал понять Мильху, что аудиенция окончена.

Как только Мильх ушёл, Грейвуд подошёл к сейфу, стоявшему в его кабинете, и достал толстую папку с надписью по-немецки: “Абсолютно секретно. Операция “Сириус”. Личное поручение рейхсфюрера СС”.

* * *

Обстоятельства, связанные с операцией “Сириус”, настолько интересовали полковника Грейвуда, что папку с документами, относящимися к этой операции, он даже взял в свой домашний сейф, время от времени перелистывая страницы пухлого “дела”.

Этот повышенный интерес к операции имел свою историю. Она началась летом 1944 года, когда полковник Грейвуд находился в Лондоне, будучи прикомандирован к британской разведывательной службе. В качестве представителя союзной разведки полковник был любезно принят своими британскими коллегами, и они совместно выполняли некоторые задания.

В то время англичане проявляли особый интерес к работе немцев над ракетными летающими снарядами. Однажды Грейвуд был приглашён к одному из руководителей британской разведки. Здесь полковнику было доверительно рассказано, что после длительных усилий англичанам удалось получить важные сведения: в Польше, в районе Дебице, недалеко от Кракова, расположена секретная испытательная станция по запуску ракет весом в пять тонн.

– Теперь, когда наши русские союзники прорываются в Польшу, – сказал Грейвуду его английский коллега, пожилой человек в звании вице-адмирала, длинный, сухой, с усталыми

глазами, – у нас есть кое-какие шансы посмотреть на эту испытательную станцию, будь она проклята...

Грейвуд усмехнулся:

– Вы серьёзно на это надеетесь?

– Как вам сказать, – ответил вице-адмирал. – Я вчера просил сэра Уинстона Черчилля обратиться к русским с соответствующим представлением. Он тоже не уверен в результате такого обращения, но, тем не менее, подписал шифрованную телеграмму Сталину. Вот, посмотрите...

И он протянул Грейвуду текст телеграммы:

“Личное и строго секретное послание от г-на Черчилля Маршалу Сталину.

1. Имеются достоверные сведения о том, что в течение значительного времени немцы проводили испытания летающих ракет с экспериментальной станции в Дебице в Польше. Согласно нашей информации этот снаряд имеет заряд взрывчатого вещества весом около двенадцати тысяч фунтов, и действенность наших контрмер в значительной степени зависит от того, как много мы сможем узнать об этом оружии, прежде чем оно будет пущено в действие против нас. Дебице лежит на пути Ваших победоносно наступающих войск, и вполне возможно, что Вы овладеете этим пунктом в ближайшие несколько недель.

2. Хотя немцы почти наверняка разрушат или вывезут столько оборудования, находящегося в Дебице, сколько смогут, вероятно, можно будет получить много информации, когда этот район будет находиться в руках русских. В частности, мы надеемся узнать, как запускается ракета, потому что это позволит нам установить пункты запуска ракет.

3. Поэтому я был бы благодарен, Маршал Сталин, если бы Вы смогли дать надлежащие указания о сохранении той аппаратуры и устройств в Дебице, которые Ваши войска смогут захватить после овладения этим районом, и если бы затем Вы предоставили нам возможность для изучения этой экспериментальной станции нашими специалистами.

13 июля 1944 года”.

Грейвуд внимательно прочёл телеграмму.

– Очень мило написано, – сказал он, возвращая её вице-адмиралу. – Сомневаюсь, однако, чтобы русские на это согласились...

Вице-адмирал уловил насмешку в тоне Грейвуда, сдвинул свои лохматые брови, нависшие над выцветшими, глубоко сидящими глазами, и медленно произнёс:

– Людям, дорогой полковник, свойственно иногда судить о поступках других по своей мерке... Гм, гм... Я не имел удовольствия быть лично знакомым с русскими, но, судя по тому, что слышал о них, это – люди слова. Они понимают, что такое долг союзника... Во всяком случае, полковник, ни мы, ни вы пока не можем жаловаться на усилия русских... Я говорю вам об этом как разведчик разведчику...

– В мои намерения не входит разочаровывать вас, господин вице-адмирал, в русских союзниках, – ответил Грейвуд. – Да, красные умеют драться, нельзя это отрицать... Но в трофейных ракетах они смогут разобраться и без нашей помощи, тем более что сами владеют ракетным оружием, как вам известно...

– Да, их “Л-2” – грозное оружие, – согласился вице-адмирал. – Наши военные эксперты, наблюдавшие его действие на Восточном фронте, дали этому оружию высокую оценку... По мнению экспертов, русский инженер Леонтьев – автор “Л-2” – добился очень многого... Впрочем, надо полагать, что дело не в одном Леонтьеве. Русские умеют и любят работать коллективно. Это их несомненное преимущество, полковник...

Теперь уже Грейвуд уловил в последних словах вице-адмирала язвительный намёк. Англичане были обижены упорным отказом американцев информировать их о ходе секретных

работ в области атомной энергии, которые тогда велись в США при помощи физиков, приглашённых из разных стран Европы, в том числе из самой Англии.

На этом разговор о Дебице закончился. Грейвуд мысленно несколько раз возвращался к этой теме, всё более укрепляясь в своей уверенности, что на письмо Черчилля последует вежливый, но твёрдый отказ. Велико было его удивление, когда вице-адмирал через три дня с торжествующей улыбкой сказал ему:

– Сегодня сэра Уинстон сообщил мне, что он получил ответ из Москвы относительно Дебице. Маршал Сталин просит уточнить, о каком именно Дебице идёт речь, так как в Польше, оказывается, есть несколько пунктов под этим названием... Как видите, полковник, я был прав, что русские понимают долг союзника...

– Я буду рад присоединиться к вашему мнению, сэра, после того как Москва даст визы вашим специалистам, чтобы они побывали в Дебице, – снова, не скрывая улыбки, произнёс Грейвуд. – Пока же ответ Москвы очень похож на уловку...

Вице-адмирал снова нахмурил свои рыжие брови. Улыбки полковника Грейвуда начали ему надоедать. Американские офицеры плохо воспитаны, дьявол им в глотку!.. Что за неуместная ирония по адресу старшего по званию, во-первых, и хозяина дома, во-вторых? Вице-адмирал – не начинающий юнец, и этому американскому верзиле сие хорошо известно...

Вот почему примерно через две недели вице-адмирал был искренне рад сообщить Грейвуду, что тот ошибался.

– Итак, мой дорогой полковник, – сказал вице-адмирал своему американскому коллеге, – могу вам сообщить нечто приятное...

– Я вас слушаю, сэра, – сразу насторожился Грейвуд, заметив озорной огонёк в глазах вице-адмирала. – Приятные вести всегда приятно выслушать.

– Мой опыт меня не подвёл, – продолжал вице-адмирал. – Сегодня сэра Уинстон познакомил меня с ответом маршала Сталина по поводу Дебице. Вот копии телеграмм...

И вице-адмирал протянул Грейвуду два листка. На первом из них была копия телеграммы Черчилля:

“В Вашем послании от 22 июля Вы сообразовали сообщить мне, что Вы дали необходимые указания касательно экспериментальной станции в Дебице.

Группа британских специалистов находится в Тегеране несколько дней в ожидании виз на въезд в Советский Союз, хотя Послу сэру А. Кларку Керру ещё 28 июля было поручено просить Советское Правительство дать указание советскому представителю в Тегеране выдать визы.

Вы любезно сообщили мне, что Вы возьмёте это дело под Ваше личное наблюдение. Смее ли я поэтому просить Вас дать необходимые указания, с тем чтобы наши специалисты смогли немедленно продолжить свой путь?

3 августа 1944 года”.

Ответ последовал на следующий день и гласил:

“Ваше послание от 3 августа относительно экспериментальной станции получил. Советскому Послу в Тегеране поручено незамедлительно дать британским специалистам визы для въезда в СССР.

4 августа 1944 года”.

Грейвуд очень внимательно прочёл текст обеих телеграмм, закурил сигарету, сделал несколько затяжек, а затем, глядя прямо в глаза вице-адмиралу, медленно протянул:

– Ну что ж, рад вас поздравить, коллега... Хотя, если говорить откровенно, я не уверен, что нам надо поздравлять друг друга... Скорее наоборот... Имею честь!..

И, щёлкнув каблуками, полковник повернулся и неожиданно вышел из кабинета вице-адмирала, который в глубокой задумчивости смотрел ему вслед. За два часа до разговора с Грейвудом вице-адмирал был принят Черчиллем и ознакомился с телеграммой. В ответ на поздравление вице-адмирала британский премьер странно усмехнулся и произнёс:

– Мой друг, нам обоим много более ста лет, а в таком возрасте не следует поздравлять в тех случаях, когда уместнее соболезнование... Любезность, с которой русские готовы нас познакомить с Дебице, не есть ли свидетельство их превосходства, старина?.. Превосходства не только в том, *как* драться, но и *чем* драться... Каждый день приносит мне всё новые доказательства, что коммунистическая Россия – ящик с неисчерпаемыми сюрпризами... Как опасно этого не видеть и с этим не считаться!..

Слова Черчилля перекликались с фразой, только что произнесённой полковником Грейвудом. Вот почему так задумался вице-адмирал.

* * *

Так или иначе Дебице было разрешено осмотреть. Полковник Грейвуд, получив соответствующее указание из Вашингтона, вылетел в Тегеран, а оттуда в Москву. Виза была дана и ему.

Вместе с британскими специалистами он побывал в Дебице. Русские военные инженеры любезно показали им экспериментальную станцию, расположенную в дремучем лесу, окружённую со всех сторон заборами с колючей проволокой и вышками, на которых ещё уцелели пулемёты.

Часть агрегатов была расположена под землёй, в отлично построенных подземельях.

Действительно, в результате паники гитлеровцы не успели всё уничтожить, хотя несколько зданий было взорвано. Тем не менее по остаткам заготовок корпусов снарядов, отдельным сохранившимся механизмам, агрегатам и лабораториям квалифицированные специалисты могли получить некоторые данные о новом оружии.

Британские специалисты и Грейвуд провели несколько дней в обществе советских военных инженеров. Полковник с особым интересом присматривался к русским. Не будучи специалистом в области техники, он больше занимался людьми. Русские инженеры – впрочем, тут был и армянин, и казах, и даже коми, Грейвуд впервые услышал о такой народности, – были любезны, более чем корректны, гостеприимны, скромны.

В беседах со своими гостями они обнаружили высокую техническую квалификацию и, по общему мнению английских специалистов, были широко образованными инженерами.

Грейвуда особенно заинтересовал инженер Леонтьев, автор орудия “Л-2”, о котором так много говорили в Англии и США. Это был очень спокойный, даже тихий человек, с задумчивым и немного грустным лицом, иногда, впрочем, озарявшимся чуть застенчивой улыбкой. Он был немногословен, но приветлив, совсем не чванился, смущённо выслушал горячие комплименты гостей по поводу “Л-2”, тут же поспешив заявить, что это оружие – плод коллективного, а не единоличного труда. Вообще он был менее всего склонен говорить о себе.

Грейвуд был достаточно наблюдателен и умён, чтобы заметить это.

Впрочем, он заметил не только это. Всё поведение Леонтьева и других советских инженеров свидетельствовало о том, что, осмотрев станцию в Дебице, они потеряли к ней интерес. Видимо (хотя никто из советских инженеров об этом не сказал), немцы не добились ничего такого, что могло бы представлять большой интерес для советской техники.

Грейвуд не раз ловко заговаривал на эту тему с Леонтьевым, стараясь выпытать его мнение о немецких ракетах. Леонтьев очень сдержанно отвечал на вопросы Грейвуда, но не скрывал, что всё осмотренное – “вчерашний день”...

Вначале Грейвуду казалось, что Леонтьев хитрит и не желает высказать своё подлинное мнение. Но потом, внимательно наблюдая за Леонтьевым и его товарищами, уловив несколько раз их улыбки, вызванные теми или иными деталями ракет, а главное, убедившись в их равнодушии к тому, что они увидели в Дебице, Грейвуд понял – немцы действительно ничем не удивили русских инженеров.

И Грейвуд всё более укреплялся в выводе, что в области ракетной техники русские идут своим, особым путём.

Не будучи сам инженером, полковник, естественно, не мог понять всей широты технической проблемы. Да это и не входило в данном случае в его задачу.

Но зато он уже твёрдо знал, что широко распространённое в американских и английских военных кругах мнение о том, что русские – brave и храбрые солдаты, но их техника отстаёт от их доблести, глубоко ошибочно и необоснованно.

Увы, эта ошибка была не первой. Вспомнилось Грейвуду, как в первые дни войны, начатой гитлеровской Германией против Советского Союза, крупнейшие военные специалисты Америки согласно утверждали, что судьба Советского Союза предрешена и русская армия будет побеждена. События первых месяцев войны как будто подтверждали эту точку зрения. Кто бы мог тогда предположить, что дело обернётся так, как оно сложилось в последующие три года?

Сразу после поездки в Дебице полковник Грейвуд вылетел в США, где подробно доложил о своих впечатлениях. Да, он твёрдо и окончательно убедился, что советские военные инженеры не нашли ничего интересного для себя в Дебице. Можно не сомневаться, что немецкая ракетная техника не представляет для русских особого значения. Именно этим он, Грейвуд, может объяснить лёгкость, с которой Москва пошла на то, чтобы допустить в Дебице своих союзников.

Можно считать установленным, что в области ракетной техники русские ушли далеко вперёд.

Этот доклад был заслушан начальством Грейвуда довольно холодно. Грейвуд понял, что его выводы не встречают сочувствия.

– Не могу с вами согласиться, полковник, – произнёс в заключение один из трёх генералов, которым Грейвуд докладывал результаты своей поездки в Дебице. – Равнодушие советских инженеров к тому, что они видели в Дебице, может быть с равными основаниями объяснено тем, что они ушли далеко вперёд в области ракетной техники, как и тем, что они отстали настолько, что не в состоянии разобраться в том, что увидели. И, если говорить откровенно, вторая версия гораздо больше соответствует нашим сведениям о Советской России. Нельзя забывать, что это отсталая страна...

– Но эта отсталая страна, генерал, разгромила гитлеровскую армию и идёт к окончательной победе, – не выдержал Грейвуд. – Позволю себе также напомнить, что русские ещё в начале войны создали своё ракетное оружие “Л-2”, о котором я вам докладывал.

– Вы придаёте слишком большое значение этому ракетному оружию, полковник Грейвуд, – улыбнулся генерал. – Я давно заметил, что стоит нашим офицерам побывать в России или встретиться с русскими, как они заражаются иллюзиями о могуществе коммунизма. Всё это чепуха, мой дорогой полковник, могу вас заверить. Тем более что будущее принадлежит не ракетному оружию, а атомным бомбам – пора это понять! И в этой области русским не суждено нас догнать... Вы знаете, что я имею в виду, полковник Грейвуд...

Грейвуд действительно имел некоторое представление о вопросе, затронутым генералом. Ему было известно, что в США ведутся работы над атомной бомбой и в них принимают участие многие иностранные физики-атомщики, свезённые из разных стран в Америку.

При всём том Грейвуд не разделял уверенности генерала, что советские учёные не смогут догнать США и в этой области. Как человек большой наблюдательности и опыта, Грейвуд

давно понял, что иллюзии о могуществе коммунизма менее опасны для американских военных кругов, нежели иллюзии о том, что Россия – отсталая страна. Но спорить с генералом Грейвуд не хотел: он знал, что точка зрения, высказанная генералом, разделяется теми кругами, с которыми не стоило ссориться и спорить. Это была, так сказать, официальная точка зрения, и люди, оспаривавшие её, рисковали своей карьерой. А своей карьерой полковник Грейвуд рисковать не любил. Вот почему он почтительно выслушал замечания генерала и с наигранной наивностью заявил:

– Ваша логика, как всегда, безукоризненна. Но прошу понять, что я, как разведчик, всегда предпочитаю преувеличивать опасность, нежели вовсе её не заметить... Именно этому меня научили вы, генерал...

Эта реплика понравилась. Генерал снисходительно похлопал Грейвуда по плечу и сказал, обращаясь к своим коллегам:

– Да, да, друзья, я не раз высказывал эту формулу полковнику Грейвуду, не раз... И, как видите, мои усилия не пропали даром... Что и говорить, в лице полковника Грейвуда мы имеем настоящего разведчика. Я предлагаю принять к сведению его доклад о поездке в Дебице. Кроме того, на всякий случай дадим предписание нашей стратегической службе поинтересоваться работой русских в области ракетного оружия. Это никогда не мешает, друзья...

Через несколько месяцев тот же генерал вызвал к себе Грейвуда.

– Война близится к концу, полковник, – с озабоченным видом сказал он. – Мне поручено форсировать наши мероприятия по изучению состояния советского ракетного оружия. Надо заняться не только работами немцев в этом направлении, но и работами русских. Этому придаётся большое значение. Сразу после оккупации Германии вам придётся поселиться там и приступить к выполнению задания. Когда меня спросили, кого я могу рекомендовать, я не задумываясь, назвал ваше имя и хочу верить, что не ошибся... Не так ли, мой дорогой полковник Грейвуд?..

– Я постараюсь оправдать ваше доверие, генерал, – почтительно ответил Грейвуд.

Обо всём этом полковник Грейвуд вспоминал теперь, летом 1945 года, в Нюрнберге. Перелистывая страницы пухлого архивного дела гестапо “Операция “Сириус”, Грейвуд с удовольствием думал о том, что завтра встретится с Крашке, которого давно искал. Сама судьба шла навстречу Грейвуду!..

* * *

“Третьей точкой” именовалась одна из конспиративных квартир, находившихся в распоряжении полковника Грейвуда в Нюрнберге. Здесь он встречался со своей новой агентурой, состоящей главным образом из немцев.

“Третья точка” помещалась в пригороде Нюрнберга, неподалёку от замка знаменитого “карандашного короля” Фабера. Замок этот отлично сохранился, и вообще тот район пострадал от бомбёжек меньше других.

На боковой улочке, примыкавшей одним концом к замку Фабера, издавна существовала старинная пивнушка под пышным названием “Золотой гусь”. Над дверью пивной висел бронзовый, потемневший от возраста гусь.

Теперь, после некоторого перерыва, пивная снова открылась. В тёмном продолговатом зале с низкими деревянными и тоже очень древними потолками стояли массивные дубовые столы. Справа помещалась буфетная стойка, за которой восседал на высоком табурете новый хозяин этого заведения, уже немолодой немец с угрюмым лицом, отпускавший пиво и нехитрую закуску того времени.

Две официантки разносили по столам пиво. В отличие от обычных кельнерш такого рода заведений эти немки были одеты очень скромно, не заигрывали с посетителями, не принимали

угощений и вообще держались с большим достоинством. “Хозяин” пивной, в действительности являвшийся сотрудником Грейвуда, сообщал завсегдатаям что он родом из Дрездена, где при бомбёжке погибла его семья, что сам он чудом остался жив и теперь, оказавшись в Нюрнберге, занялся привычным делом, открыв эту пивную. Герр Вольпе, несмотря на несколько угрюмый вид, охотно вступал в разговор с посетителями пивной, сам, по-видимому, был не дурак выпить и вскоре приобрёл репутацию солидного и симпатичного человека, незаслуженно и жестоко пострадавшего от войны.

Посетителями пивной были в основном жители этого района. Они хорошо знали друг друга, обрадовались, что “Золотой гусь” снова ожил, и были благодарны герру Вольпе, доставшему в столь трудное время пиво. Обязанное своим существованием древесным опилкам, а не ячменю, пиво всё-таки имело несколько градусов крепости, нормальный соломенно-жёлтый цвет и даже чуточку пенилось.

В левом углу пивной находилась дверь, ведущая в коридор, где были расположены уборные. Но не все посетители пивной знали, что в конце коридора имелась потайная дверь, ведущая в квартиру, примыкавшую к коридору. Дверь была замаскирована большим деревянным шкафом, являвшимся своего рода тамбуром.

Квартира имела и свой самостоятельный выход со двора.

Ровно в десять утра, как было условлено, Мильх, Крашке и Вирт вошли в пивную и заняли столик. Оставив Крашке и Вирта, Мильх прошёл через коридор в квартиру, где в богатом обставленном кабинете его встретил Грейвуд.

– Господин полковник, здравствуйте, – поздоровался со своим шефом Мильх. – По вашему приказанию я привёл Крашке и Вирта.

– Хорошо, Мильх, – ответил Грейвуд. – Сначала я хочу побеседовать с Крашке, приведите его сюда. А с Виртом посидите пока в пивной...

Мильх поклонился, молча вышел из кабинета и вскоре явился туда в сопровождении Крашке, который был на этот раз гладко выбрит, подтянут и даже надел новый костюм, одолженный ему Мильхом.

Войдя в кабинет и представ перед полковником Грейвудом, сидящим в глубоком кожаном кресле, Крашке щёлкнул каблуками и почтительно поклонился, не произнося ни одного звука.

– Здравствуйте, Крашке, – благосклонно протянул Грейвуд, с интересом разглядывая своего нового посетителя и мысленно одобряя молчаливость и почтительность этого старого волка. – Хотя нам не пришлось встречаться раньше, я имею довольно точные сведения о вашем прошлом... Садитесь.

– Благодарю вас, господин полковник, – почтительно произнёс Крашке садясь.

– Мильх мне сообщил, что вы готовы сотрудничать с нами, – продолжал Грейвуд, внимательно разглядывая Крашке. – Это действительно так?

– Если моя готовность встретит сочувственное отношение господина полковника, я буду весьма счастлив, – ответил Крашке.

– Как старый разведчик, вы, вероятно, понимаете, Крашке, что сочувствие возникает по мере полезности. Таким образом, многое будет зависеть от вас...

– Господин полковник, я постараюсь быть полезным.

– Хорошо, посмотрим. Мильх, пройдите пока к Вирту, а я побеседую с Крашке, – произнёс Грейвуд, и Мильх сразу покинул кабинет.

– Меня пока интересует офицер, который вас задержал в аптеке, – начал Грейвуд. – Если Мильх мне точно доложил, этот офицер в своё время украл у вас бумажник на Белорусском вокзале в Москве. Так?

– Именно так, господин полковник.

– Более чем странно. Я уж не говорю о таком почти невероятном совпадении, но самый факт, гм... несколько необычен. Если этот офицер вас в своё время обворовал, то, следовательно, он вор?

– Получается так.

– Но если он вор, то как он мог стать офицером и зачем он вас в таком случае задержал? Разве он не скрывал своего прошлого?

– Господин полковник, мне самому многое непонятно в этой загадочной истории, – поспешно произнёс Крашке. – Сначала я подумал, что этот офицер – сотрудник советских следственных органов... Однако когда он меня задержал и доставил в контрразведку, то из некоторых деталей выяснилось, что он никакого отношения к этим органам никогда не имел... Из протокола, который был составлен, мне известно, что он просто рядовой офицер, лейтенант, и что его фамилия Фунтиков... Но, поверьте мне, всё мною сказанное – чистая правда... Если позволите, я доложу вам подробно, как всё это было...

Грейвуд слушал очень внимательно, ему важно было убедиться в том, что Крашке вполне откровенен. Видя, что рассказ Крашке вполне соответствует материалам архивного дела “Операция “Сириус”, Грейвуд с чисто профессиональным интересом выслушивал подробности, которых в деле, естественно, не было. Особенно заинтересовал полковника психологический вопрос: как объяснить поведение Фунтикова?

Крашке, подбодрённый явным интересом к его рассказу, старался произвести наилучшее впечатление на полковника, с которым намеревался связать свою судьбу. Беседуя, Крашке в свою очередь внимательно изучал своего будущего шефа. Он заметил, что Грейвуд, несомненно, умен, немногословен, подозрителен и – самое важное – очень заинтересован подробностями операции “Сириус”. Крашке понимал, что этот интерес связан с работами Леонтьева.

В конце разговора, продолжавшегося около двух часов, Грейвуд объявил, что он зачисляет Крашке своим секретным сотрудником “с испытательным сроком”, получил от Крашке письменное обстоятельство, выдал ему аванс и назначил новую встречу для получения конкретного задания.

Отпустив Крашке, полковник пригласил к себе Вирта.

Увы, в отличие от Крашке Михель Вирт попал в довольно глупое положение. Вирт надеялся, что его данные о карательных связях и секретных переговорах американских промышленников с немецкими в период войны – находка для полковника Грейвуда. Вирт полагал, что, получив столь сенсационный материал, полковник либо сделает карьеру, дав этому материалу законный ход, либо напротив, замяв этот скандал, получит огромный гонорар от американских промышленных “королей”, которые, естественно, захотят спастись от разоблачения.

Вот почему, в отличие от Крашке, Вирт вёл себя довольно уверенно, сразу дав понять, что он знает цену своим материалам, а следовательно, и самому себе.

Грейвуд внимательно выслушал Вирта, посмотрел его записи и документы, а затем очень спокойно спросил:

– Это всё, что вы можете предложить, господин Вирт?

– Мне кажется, что это не так уж мало, – развязно ответил эсэсовец.

– Значит, это – всё?

– Ну да.

– Следовательно, Вирт, вы являлись особо доверенным сотрудником Гимmlера?

– Я об этом сказал, господин полковник.

– И в последнее время были помощником начальника личной охраны самого Гитлера?

– Я и не пытался это скрыть.

– Это и невозможно скрыть, – произнёс Грейвуд и нажал кнопку звонка. В кабинете сразу появился дюжий американский сержант.

– Наручники, – коротко бросил Грейвуд.

Вирт не успел и оглянуться, как сержант надел на него наручники.

– Вы эсэсовец и военный преступник, – обратился Грейвуд к обомлевшему от неожиданности Вирту. – Обращаясь ко мне, вы забыли о том, что американские военные власти поставили своей задачей осуществление денацификации и предание суду военных преступников. Мы отправим вас на виселицу, негодяй!.. Генри, отвезите этого подлеца в тюрьму и передайте моё приказание – строгий надзор, наручники, одиночка...

– Господин полковник, послушайте, я умоляю... – залепетал Вирт, но сержант схватил его за шиворот и так рванул, что Вирт сразу потерял способность продолжать разговор и безропотно, подталкиваемый в спину сержантом, вышел из кабинета. В коридоре его повели куда-то вниз и заперли в совершенно тёмной камере. Ночью Вирта перевезли в старинную нюрнбергскую тюрьму, предварительно обыскав и отобрав все документы, на которые он ставил такую большую ставку...

А через несколько дней Мильх, распив с Крашке бутылку шнапса и придя оттого в самое добродушное настроение, ответил на настойчивый вопрос о загадочном исчезновении Вирта такими словами:

– Американские власти, дорогой Крашке, готовы простить бывшим гестаповцам всё, кроме наивности... Наш бедный Михель, как это ни странно, оказался чересчур наивным...

Тут Мильх сделал ещё один глоток и задумчиво добавил:

– Вообще, я пришёл к выводу, что наша профессия имеет свои странные законы. Плохо, когда наш брат знает слишком мало, но ещё хуже, когда он знает слишком много...

После чего Мильх, как ни расспрашивал его Крашке, не промолвил ни одного слова о судьбе Вирта.

Зато в отчётах американской комиссии по денацификации появилась ещё одна фамилия немецкого военного преступника – новое свидетельство того, сколь добросовестно выполняют американские власти обязательства по денацификации своей оккупационной зоны.

Двоюродный брат

Как раз в те дни, когда в Нюрнберге в беседах полковника Грейвуда с Крашке часто упоминалось имя конструктора Леонтьева, сам Николай Петрович, прикомандированный к 5-й гвардейской ударной армии, находился в Берлине.

Командующий этой армией генерал-полковник Берзарин, старый знакомый Леонтьева, был назначен военным комендантом Берлина. Сидя с Леонтьевым в своём кабинете, в доме, занятом военной комендатурой города, Николай Эрнестович Берзарин, оживлённо рассказывал конструктору о своей новой деятельности. Открытое, молодое лицо Берзарина, его невысокая, ладная фигура, живые умные глаза, густые, чуть тронутые сединой волосы, смуглые, немного скуластые щёки и белозубая улыбка давно были знакомы и симпатичны Леонтьеву. Он с интересом слушал рассказ о первых шагах коменданта на новом поприще.

– Признаться, Николай Петрович, – говорил Берзарин, – когда мне объявили о назначении комендантом Берлина, стало малость не по себе... Всю жизнь был военным, а тут, сами понимаете, надо заниматься водопроводом, продовольствием, электроэнергией, банями, пекарнями, больницами, школами... С утра приходят делегации немцев из разных районов Берлина, тьма самых разнообразных вопросов, тут надо быть и юристом, и дипломатом, и хозяйственником, и бог знает ещё кем... Честное слово, на фронте было как-то спокойнее и, знаете ли, проще... Когда ворвались мы в Берлин и начались бои в городе, я как-то подумал: ну вот, на днях кончится война, почти четыре года провоевал, всего нахлебался, можно и отдохнуть... Выпрошу отпуск, поеду на Волгу, недели две буду отсыпаться, а потом можно и порыбачить... И вот, полюбуйте, рыбачу...

И Берзарин широким жестом обвёл кабинет, огромную карту Берлина на стене, списки районных комендатур, доску с первыми приказами военного коменданта, отпечатанными жирным шрифтом на немецком и русском языках.

– Да, дело хлопотливое, – улыбнулся Леонтьев.

– Скажу больше, Николай Петрович, – продолжал Берзарин. – Мало того, что с немцами полно забот, так ещё и со своими приходится возиться, разьяснять да уговаривать... Сегодня пришёл ко мне один районный комендант, майор Щукин. Хороший парень, знаю его два года, отличный офицер, храбро воевал... Приходит ко мне и чуть не со слезами говорит: “Товарищ генерал, как хотите, а комендантом быть не могу”. – “Почему?” – спрашиваю. – “Не могу, говорит, делайте, что хотите... У меня, говорит, немцы в Николаеве мать убили, сестрёнку в Германию насильно увезли, и здесь она, видимо, погибла... Не могу я об их питании заботиться, магазины им открывать и возиться с их водопроводом, который они сами же, дьяволы, и разрушили”.

– Что же вы ему ответили?

– Сначала прикрикнул – извольте выполнять приказ и не вступать в дискуссии! А потом посадил его вот в это кресло и полчаса втолковывал, что мы не с народом воевали, а с гитлеровцами. Что, завоевав Берлин, мы обязаны заботиться о его населении. Что мы должны помочь немцам создать новую Германию...

Берзарин прошёлся по кабинету, подойдя к Леонтьеву, положил руку ему на плечо и тихо добавил:

– И ещё я ему сказал, Николай Петрович, что хотя война и кончилась, но начинается другая, может быть, не менее трудная война – война за мир, за демократию, за то, чтобы больше не было войн... И за то, чтобы никто не мог снова превратить немцев в убийц... Тут Щукин мой встал, вытянулся, смотрит мне прямо в глаза: “Всё понятно, товарищ генерал. Разрешите выполнять?”... И пошёл майор Щукин в районную комендатуру Берлина возиться с водопроводом, пускать электростанцию, открывать булочные и питательные пункты для немецкого

населения... И знаете, что я вам скажу, Николай Петрович? Ушёл Шукин, ушёл, остался я один, и стыдно мне вдруг стало перед самим собой за собственную досаду на судьбу, на то, что меня назначили комендантом... Стыдно стало за свои мечты о рыбалке, об отдыхе. Нет, рано ещё отдыхать нам, рано... Не всё ещё сделано, не всё ещё в мире устроено так, как надо, как должно быть и как в конце концов будет... Будет, Николай Петрович, будет!.. Никогда, в самые трудные дни войны, ни на минуту не сомневался в этом, не сомневаюсь и теперь!..

Взволнованно прозвучали эти слова Берзарина, и Леонтьев, сразу почувствовав и оценив это волнение, подумал про себя: “Хорошо, что его назначили комендантом Берлина и что есть у нас вот такие, как он...”

Запел полевой телефон на столе Берзарина, и он, переговорив с кем-то, улыбаясь, обратился к Леонтьеву:

– Ну, пляшите!.. Вчера вы попросили узнать, где находится ваш двоюродный братец, полковник Сергей Павлович Леонтьев... Узнали мои ребята... Он и его полк в Букове... Полтора часа езды на машине...

* * *

Через полчаса обрадованный Леонтьев уже мчался на машине в Буков повидаться после почти пятилетней разлуки со своим двоюродным братом.

Детские годы братья провели неразлучно. Их отцы жили в одном доме, оба служили машинистами на железной дороге.

Коля и Серёжа были одноклассники, вместе играли во дворе, потом незаметно подросли, поступили в школу, сидели несколько лет на одной парте.

После окончания школы Николай уехал в Ленинград, поступив в Технологический институт, Сергей пошёл в военное училище. Один стал инженером, другой – офицером танковых войск. Теперь братья встречались редко. Николай Петрович работал в Москве, Сергей Павлович служил в разных районах страны. Последний раз они встретились в августе 1940 года, когда Николай Петрович проводил свой отпуск на Днепре, под Киевом. В конце отпуска, зная, что Сергей Павлович служит в маленьком местечке под Ровно, Николай Петрович приехал к нему на несколько дней. Сергей Петрович уже давно был женат, имел одиннадцатилетнего сынишку, названного Колей в честь двоюродного брата.

Тепло встретились братья, всё свободное время были вместе, вспоминая далёкие годы, родителей, школу. Николай Петрович сразу подружился с женой брата – Ниной Петровной, миловидной, приветливой, ласковой женщиной, без ума любившей мужа и сынишку.

Полюбился Леонтьеву и племянник, светлоглазый, шустрый Коленька, весёлый крепыш, в котором родители и Дарья Максимовна – мать Нины Петровны – не чаяли души.

Николай Петрович, всё ещё не изживший горечи развода с женой, провёл в этой слаженной, дружной семье несколько счастливых, тихих дней. Дарья Максимовна и Нина Петровна трогательно ухаживали за дорогим гостем, закармливали его домашними пышками, украинскими галушками и всяческой, как шутя говорил он, “вкуснотой”. Целыми днями Коленька водил его по живописным окрестностям местечка, или они вместе рыбачили на речке, небольшой, но богатой рыбой, ловя на спиннинг щук, а на удочку – краснощёрых, жирных окуней.

Вечерами, когда Сергей Павлович возвращался из части, вся семья собиралась в душистом саду, у самовара, под мирное гудение которого начинался долгий, душевный разговор. В сумерках, как бы подчёркивая свежесть августовского вечера, плыл густой аромат спелых яблок, которыми были усыпаны стоявшие вокруг яблони, а из близкой степи доносился чуть горьковатый, приятный запах чебреца.

Чаепитие всегда затягивалось до поздней ночи. После долгих препирательств бабушка уводила спать начинавшего клевать носом внука, а Сергей Павлович, сменивший портупею

и китель на пижаму, в который уж раз самолично заваривал чай, утверждая, что это – занятие чисто мужское и женскому полу недоступное, поскольку секрет хорошей заварки состоит именно в том, что надо засыпать *много* чаю, а *они* этого как раз делать и не умеют и никогда уметь не будут. Нина Петровна, добродушно огрызаясь, замечала, что Сергей Павлович давно известен “феодално-байским отношением к женщине” и потчевала Николая Петровича каким-то особым сортом домашнего варенья, сваренного накануне.

С удовольствием прихлёбывая крепкий, душистый чай, Николай Петрович вдыхал полной грудью свежий аромат сада, ночную прохладу и те особые, смутные и волнующие запахи украинской степи, которые всегда удивительно успокаивают душу и освежают кровь. Бледный августовский месяц плыл над тёмным садом, тишину которого только подчёркивал изредка мягкий стук падающего где-то рядом яблока.

– Хорошо сидим! – произносил после долгой паузы Сергей Павлович, и все начинали смеяться, потому что это было любимое его выражение, которое он частенько повторял.

– А ведь и в самом деле хорошо, – тихо отвечал Николай Петрович. – Я вот сижу и думаю: всего несколько дней прожил у вас, но за эти дни, кажется, отдохнул так, как никогда ещё не отдыхал...

– Вот и отлично, – замечала Нина Петровна. – И поживите у нас подольше. Куда вам торопиться, Николай Петрович?

– С радостью бы здесь задержался, – отвечал он. – К сожалению, мой отпуск на исходе, пора в институт – работа ждёт... И важная, прямо скажем, работа... Сергей Павлович может подтвердить – я ему немного рассказывал...

– Да, дело стоящее, – подтверждал Сергей Павлович. – А главное, и нашему брату спокойнее будет, в случае ежели придётся воевать... Ты как полагаешь, придётся?

– Как тебе сказать, Сергей, – отвечал Николай Петрович. – Обстановка в мире сложилась такая, что исключить это нельзя... Фашизм есть фашизм, и Гитлер нагнет с каждым днём... Но если и придётся воевать, то, как мне кажется, не раньше чем лет через пять-шесть... Впрочем, кто его знает...

– Вот именно, – взволнованно воскликнула Нина Петровна. – Кто его знает?! Случается, Николай Петрович, что иногда у меня просто сердце сжимается от страшного предчувствия войны... Два раза мне даже снилось, что война началась и я провожаю Серёжу на фронт, а Коленька плачет, плачет... Потом трогается поезд, весь из красных теплушек длинный такой, конца ему нет... И так жалобно свистит паровоз...

– Чему быть, того не миновать, – тихо сказал Сергей Павлович. – А в сны я вообще не верю, Нинушка...

...Теперь, сидя в машине, мчавшей его в немецкий город Буков, вспоминал Николай Петрович Леонтьев те далёкие августовские вечера в маленьком украинском местечке под Ровно, и взволнованный ночной разговор о войне, и погружённый в душистый сумрак сад, в котором они тогда сидели вместе, и крохотные голубовато-зелёные огоньки светлячков, вспыхивающие меж деревьев, и горьковатый, неповторимый запах чебреца, доносившийся из степи... И кому могло прийти в голову тогда, в августе 1940 года, что война, о которой говорили, как о чём-то маловероятном и уж во всяком случае очень далёком, в которую, даже говоря о ней, никто сердцем не верил, потому что не хотелось верить, что эта самая война уже лихорадочно готовится, наносится на секретные карты, планируется в секретных кабинетах германского генерального штаба, расцветивается условными знаками на голубой кальке сверхсекретных планов, приказов и морских лоций!..

Да, кто бы мог подумать в ту тихую августовскую ночь, что так скоро грянет буря, разметет эту дружную, крепко слаженную семью, погубит Дарью Максимовну и Нину Петровну, забросит невесть куда Коленьку, а добродушный, жизнерадостный и весёлый Сергей Павло-

вич останется вдруг один, без жены, без сына, без семьи, которую он так беззаветно и верно любил?..

В апреле 1941 года Сергей Павлович получил приказ о переводе на Дальний Восток. За годы военной службы Сергей и его семья привыкла к неожиданным переводам – таков удел всякого офицера.

На семейном совете было решено, что Дарья Максимовна и Коленька до конца учебного года останутся в местечке, а Сергей Павлович и Нина Петровна будут пока устраиваться на новом месте.

Так и сделали. Только в середине мая Сергей и Нина добрались до места назначения, стали понемногу устраиваться. Привыкшая за одиннадцать лет семейной жизни к частым переездам, Нина быстро освоилась с новой обстановкой, приобрела самые необходимые вещи, стараясь как всегда, при весьма скромных возможностях поуютнее обставить маленькую двухкомнатную квартиру, которую им предоставили.

А Сергей Павлович с первых дней приезда, как всегда, стал много работать, поздно возвращаться домой и очень скучал без сынишки. Тосковала без Коленьки и Нина Петровна.

К тому же молодую женщину начало беспокоить состояние её здоровья. У Нины Петровны было сердечное заболевание, до сих пор мало её тревожившее. Но, видимо, новый климат был для неё неблагоприятен, и Нина Петровна начала это ощущать. Не желая огорчать мужа, она не рассказывала ему о появившихся симптомах ухудшения болезни.

По секрету от мужа Нина Петровна обратилась к врачу. Осмотрев молодую женщину, врач сказал, что для неё особенно важен покой, что, по-видимому, разлука с сынишкой тоже отражается на состоянии её здоровья, что к климату она в конце концов, как он надеется, привыкнет. Врач прописал Нине Петровне и лекарство, которое она аккуратно принимала, делая это опять-таки тайком от мужа.

Дарья Максимовна писала, что она и Коленька здоровы, мальчик хорошо учится и с нетерпением ждёт конца учебного года, чтобы выехать к родителям.

В каждом письме была собственноручная приписка Коленьки, сделанная родным и таким знакомым детским почерком. Мальчик писал, что скучает без папы и мамы, ждёт, когда они наконец снова будут вместе. Он прочёл в какой-то книге, что на Дальнем Востоке водятся тигры и леопарды, и надеется стать знаменитым охотником на тигров.

Так шли дни. Сергей Павлович в настенном календаре аккуратно вычёркивал число за числом, с удовольствием отмечая, что до 1 июля, когда ему был обещан отпуск для поездки за сынишкой и тещей, осталось не так уж много.

1 июня от Дарьи Максимовны пришла телеграмма: Коленька успешно закончил учебный год. Бабушка предлагала, не ожидая приезда Сергея Павловича, выехать с внуком.

Сергей Павлович задумался. Дарья Максимовна была ещё бодрой и энергичной женщиной, пожалуй, она отлично добралась бы с Коленькой и без всякого сопровождения. Это на целый месяц приблизило бы встречу с сынишкой. Нина Петровна, однако, не согласилась с мужем. Конечно, и ей очень хотелось ускорить приезд матери и сына, но она всё-таки боялась долгого пути – а вдруг с Дарьей Максимовной что-нибудь случится в дороге, как-никак, старая женщина, мало ли что может быть...

Выслушав жену, Сергей Павлович согласился с её доводами. И на следующий день он телеграфировал Дарье Максимовне, что в начале июля сам за ними приедет, а пока пусть не спеша готовятся к отъезду...

Кто мог знать, что эта телеграмма, такая разумная сама по себе, будет иметь роковые последствия?..

* * *

21 июня, в субботу, в гарнизонном клубе был вечер танцев. Чтобы развлечь жену, всё сильнее тосковавшую в эти дни по Коленьке, Сергей Павлович уговорил её пойти в клуб.

Нина Петровна, хорошо чувствовавшая себя в этот вечер, надела любимое платье цвета морской волны, который очень шёл к её зеленоватым глазам, причесалась, надушилась, и они пошли.

В клубе уже собралось много народу. Полковой оркестр без устали исполнял вальсы, танго, мазурки. Нина Петровна пользовалась успехом, многие офицеры приглашали её танцевать. Сергей Павлович не без удовольствия отметил это.

В первом часу ночи они вернулись домой. За распахнутыми окнами квартиры, расположенной во втором этаже, мирно мерцали тихие июньские звезды. Умываясь на ночь, Нина Петровна неожиданно рассмеялась.

– Ты чего, Нинуша? – спросил, услышав её смех, Сергей Павлович.

– Я вспомнила, что когда мы жили в Николаеве и Коленьке было три года, мама пошла принимать ванну. Коленька, подойдя к двери и заметив клубы пара, спросил: “Баба, ты уже сварилась?”. Помнишь, какой он был забавный?

– Да, очень, – ответил Сергей Павлович. – Ну вот, через несколько дней вылечу за ним... Сегодня начальство мне подтвердило, что первого июля дадут двухнедельный отпуск...

В полдень Сергея Павловича вызвали. Ординарец передал приказание командира дивизии, – немедленно явиться в штаб. Сергей Павлович быстро оделся, поцеловал жену и, выходя из квартиры, взглянул на стенные ходики, мерно отстукивавшие время. Было начало первого.

Через два часа он вернулся и сообщил жене, что в эту ночь началась война...

* * *

Конечно, ни о каком отпуске для поездки за сыном и тещей уже не могло быть и речи. Сергей Павлович послал телеграмму Дарье Максимовне, что она должна выехать самостоятельно. На следующий день пришла ответная телеграмма: Дарья Максимовна принимает меры к выезду, но это не так просто...

Сергей Павлович и сам понимал, что в связи с начавшейся войной, передвижением войск в районе, близком к границе, изменением железнодорожных расписаний выехать будет не просто.

Между тем военные действия стремительно развивались, и через некоторое время то местечко, в котором находилась Дарья Максимовна с Коленькой, оказалось отрезанным...

Каждый день Нина Петровна и Сергей Павлович трепетно ожидали какого-нибудь сообщения, надеясь, что Дарье Максимовне удалось в последний момент эвакуироваться. Но дни проходили за днями, и никаких вестей не было.

Мучительная тревога за судьбу матери и Коленьки подтачивала и без того хрупкое здоровье Нины Петровны. Как все советские люди в те месяцы, она тяжело переживала грозное положение на фронте.

Не легче было и Сергею Павловичу. Он старался успокоить Нину Петровну и в то же время настойчиво добивался отправки на фронт. Когда появились надежды на то, что его просьба будет удовлетворена, Сергей Павлович сообщил об этом жене. Он ещё раз оценил её характер, когда, выслушав осторожное сообщение мужа, она тихо произнесла:

– Ты правильно сделал, Серёжа... В такие дни тебе легче будет там... Я знала, что ты так поступишь и точно так же поступила бы на твоём месте... А теперь поговорим обо мне...

И она сообщила мужу о своём решении: ехать на фронт вместе с ним... Оказывается, ещё в первые дни войны Нина Петровна поступила на курсы медицинских сестёр, организованные при гарнизонном клубе. Сергей Павлович был так занят по службе, что даже не знал о том, что Нина Петровна ежедневно по нескольку часов занимается на этих курсах.

Теперь, выслушав жену, говорившую очень спокойно, но твёрдо, мысленно прикинув положение, создавшееся в их семье, Сергей Павлович понял, что самое страшное для Нины Петровны – остаться в тылу одной, без матери, мужа и сынишки.

– Ты права, Нинуша, – сказал он жене. – Единственное, что меня беспокоит – твоё сердце... В военкомате могут придраться.

И там действительно придрались, когда возник вопрос о годности к военной службе медсестры Нины Петровны Леонтьевой.

Никогда в прошлом не прибегал к протекциям Сергей Павлович, человек твёрдо сложившихся правил и большой душевной чистоты. Но в этом случае, после долгих размышлений, пошёл прямо к командиру дивизии.

Он рассказал генералу обо всём, что случилось в семье, о положении, в котором окажется Нина Петровна, если одна останется в тылу.

– Верно, верно, Сергей Павлович, – ответил генерал. – Я не врач, но тоже понимаю, что при состоянии здоровья Нины Петровны и страшной неизвестности о судьбе сынишки и матери ей лучше всего поехать с вами на фронт... Так и быть, похлопочу... Здесь тот случай, когда самое правильное – нарушить правила... Бывает в жизни и так...

И правила были нарушены.

* * *

В декабре 1941 года, после разгрома немцев под Москвой, Николай Петрович Леонтьев получил письмо с фронта от брата. В этом письме Сергей сообщал, что Дарья Максимовна и Коленька вероятнее всего остались в оккупированном немцами местечке, а он и Нина Петровна находятся теперь на Западном фронте. Брат писал, что дела пошли лучше, он и жена очень хотели бы повидаться с Николаем Петровичем и при первой возможности постараются это сделать...

Вскоре после получения письма Николай Петрович сам уехал на фронт для боевого испытания “Л-2”, а когда вернулся в Москву, то узнал, что сюда приезжал Сергей Павлович и очень огорчился, не застав брата.

А в ноябре 1943 года Николай Петрович, которому так и не удалось свидеться с братом, получил от него горькую весть: на фронте, при бомбёжке медсанбата, была убита Нина Петровна...

Николай Петрович написал большое, взволнованное письмо, стараясь, как мог, поддержать брата в его горе.

И тогда, и позже Николай Петрович не раз собирался навестить Сергея, но события на фронтах развивались так стремительно, а работа Николая Петровича для фронта была так важна, что до самого окончания войны братьям так и не довелось встретиться.

Теперь, по пути в Буков, Николай Петрович вспоминал подробности их последней встречи и всё, что случилось за эти пять лет в их личной жизни, в жизни всей их Родины и всего мира...

* * *

Буков, маленький, тихий, уютный немецкий городок, стоящий в густом лесу, на берегу озера, почти не пострадал от войны, как бы прошедшей мимо него.

В своё время Буков считался курортным городком, и сюда любили приезжать из Берлина на отдых уже немолодые люди, которых привлекали провинциальная тишина, хороший воздух, богатое рыбой озеро и маленькие, но комфортабельные пансионы. До войны в этих пансионах сравнительно дёшево и сытно кормили, окрестности городка были очень живописны, а если некоторые солидные берлинские коммерсанты, приезжая сюда отдохнуть, захватывали с собой молоденьких, кокетливых секретарш, то хозяйки пансионов отнюдь не придирались, не строили постных мин, а напротив, относились к таким парочкам самым доброжелательным образом.

По дороге, подъезжая к Букову, Николай Петрович разглядывал рекламы буковских пансионов: “Маргарита”, “Фрау Эрна”, “Трета”, “Мадам Рекамье” и многих других. На рекламных плакатах, щитах и ярких двухметровых картинах были изображены элегантные кавалеры и дамы, мирно распивающие кофе и ликёры, купающиеся в озере, гуляющие, нежно прижавшись друг к другу, по лесу, или танцующие в летнем буковском дансинге.

Надписи поясняли, что “в Букове не любят сплетен”, “любители уединения найдут здесь уютный уголок” и что “в пансионе “Венера” созданы все условия для пылких влюблённых”...

Но вот за крутым поворотом узкой асфальтированной дороги блеснуло озеро, на берегах которого стояли хорошенькие двухэтажные, с красными черепичными крышами, виллы. Почти в каждой из них в довоенное время был пансион.

Через десять минут в обширной, отделанной морёным дубом столовой бывшего пансиона “Фюрстенгоф” брата Леонтьевы с блестящими от волнения глазами изо всех сил хлопали друг друга по плечу, целовались, кричали, вздыхали, подозрительно кашляли и все никак не могли насмотреться друг на друга...

Потом, когда ординарец Сергея Павловича накрыл на стол, поставив бутылку московской водки и разнообразную закуску – от военторговской колбасы до буковских карасей в сметане, – встали Николай и Сергей Леонтьевы у стола, подняли налитые до краев гранёные рюмки старинного богемского хрусталя и разом, не сговариваясь, тихо произнесли:

– Ну, за Родину, за Победу, за нашу встречу в Германии, браток!..

Всю ночь напролёт ни на минуту не сомкнули глаз братья. Уже порозовели от восходящего солнца стволы сосен, стоявших за распахнутым в спальне окном, а Сергей Павлович всё рассказывал о том, что довелось пережить за эти годы.

О том, как в 1943 году позвонили ему на КП полка, которым он командовал, что стряслась беда в медсанбате. Как по грязной осенней дороге примчался он туда и узнал, что осколком бомбы тяжело ранена Нина Петровна. Как долго стоял он у её койки, а она всё металась в бреду и не сходило с уст её имя сынишки Коленьки... Как потом, за несколько минут до конца, она неожиданно пришла в себя, узнала мужа и тихо, еле шевеля запекшимися губами, прошептала:

– Серёженька, поклянись, что будешь беречь себя для него... Для Коленьки... Я, одна я, виновата во всем... Я уговорила тебя послать телеграмму, чтобы мама без тебя не выезжала... А ты ни разу меня и не упрекнул... Спасибо, мой любимый, мой единственный, мой дорогой... Спасибо за всё!..

Не слабого характера человеком был полковник танковых войск Сергей Леонтьев, но тут не выдержал. Бросился на колени перед койкой умирающей, всхлипывая, как ребёнок, целовал ей руки, и его крепкие плечи сотрясались от рыданий, и всё хотел он успокоить её и лепетал, что всё обойдётся, она выздоровеет, что кончится война и найдётся Коленька и они опять будут вместе, вместе, навсегда...

Но Нину Петровну уже нельзя было обмануть, и в эти последние свои минуты она, как во всю их совместную жизнь, пыталась успокоить его, и всё не уставала повторять – береги, береги себя для Коленьки...

... Вот и в эту бессонную майскую ночь в маленьком Букове, рассказывая обо всём брату, в дымной от множества выкуренных папирос немецкой спальне с широченной кроватью карельской берёзы, стёгаными шёлковыми пуховиками, пошловатыми фривольными картинками на стенах, обтянутых розовым репсом, и пухлым голубым ковром Сергей Леонтьев то и дело, не выдержав, замолкал, кашлял и скрипел зубами от нестерпимой душевной боли.

И всякий раз Николай Петрович, тоже с мокрыми от слёз глазами, обнимал брата и шептал ему:

– Да не сдерживайся ты, чего стесняешься, дурень!.. Плачь, говорю тебе, плачь!.. Иначе не выдюжишь!.. Ты слышишь меня, Сергей?

Потом, немного успокоившись, Сергей рассказывал о том, как он воевал и всё ждал, когда же наконец освободят Ровенскую область, чтобы мог он узнать судьбу своих близких.

А когда это случилось, выяснилась вторая беда: Дарью Максимовну убили немцы, а Коленьку со многими другими подростками угнали в Германию, на фашистскую каторгу...

Обо всём этом рассказали Сергею Павловичу соседи Дарьи Максимовны, старожилы этого местечка.

Когда полк Сергея Павловича ворвался в Восточную Пруссию и начались бои за Берлин, полковник Леонтьев расспрашивал сотни людей, освобождённых Советской Армией из разных концлагерей. Никто не мог сказать, где находится его сынишка. Среди сотен тысяч несчастных, согнанных из всех стран в гитлеровскую Германию, было множество подростков и даже детей, которых тоже заставляли работать на военных заводах или отдавали в кабалу немецким помещикам. Очевидцы рассказывали, что для детей и подростков были созданы особые концлагеря, в которых был установлен тот же каторжный режим. Полуголодный паёк, непосильная работа, издевательства и побои, колючая проволока и озверевшие эсэсовцы с немецкими овчарками – всё было в этих лагерях для детей, как и в лагерях для взрослых.

Теперь, после окончания войны, Сергей надеялся разыскать своего Коленьку в западных районах Германии, где, как он выяснил, ещё находились многие русские люди, в своё время вывезенные гитлеровцами из оккупированных районов.

– Чуется мне, Николай, – говорил Сергей Леонтьев, – понимаешь, чуется, что жив Коленька... Сам помнишь, какой он был у нас крепыш... Не может быть, чтобы он погиб – не верю!.. Вообще, говорят, дети оказались в этом аду более живучими, чем взрослые... Недавно я случайно встретился с одной женщиной, вывезенной из Краснодара... Она мне рассказала, что под Мюнхеном год назад был большой детский лагерь... В нём по большей части были ребята с Украины... Они работали на авиационном заводе Мессершмитта... Говорят, были и другие лагеря для детей и подростков. В общем, я не теряю надежды!.. Я уже подал заявление, сам ездил к нашим в Берлин. Мне обещали, что примут все меры, снесутся с американцами и англичанами. А главное, подтвердили, что много наших детей и подростков находится в западных районах... Ах, Коленька, Коленька!.. Каков он теперь, как выглядит, узнает ли меня? Как ему сообщить о матери?.. Ведь ему теперь, шутка сказать, шестнадцать лет исполнилось... Вытянулся, наверно, ведь он весь в меня...

* * *

Два дня прожил Николай Петрович у брата в Букове. Братья ни на минуту не расставались в эти дни – было что вспомнить, о ком погоревать, чем поделиться друг с другом...

Когда наступил час отъезда – Леонтьеву уже пора было возвращаться через Берлин в Москву, – опять зашла речь о Коленьке. Сергей Павлович, твёрдо веривший, что ему удастся найти сына, заговорил о его будущем.

– Я всё думаю, – сказал он, – где мне Коленьку пристроить, пока выяснится моя судьба... Ну, первое время поживёт он со мной, отдохнёт после всего, да и мне с ним расстаться не по

силам... А ведь к осени надо подумать и об учёбе... Четыре года, что ни говори, из жизни вычеркнуты... Надо среднюю школу кончать, а там видно будет... Что делать – ума не приложу... У меня теперь ни кола ни двора... Прошлый раз, когда я в Берлин ездил, с начальником встретился... Разговор какой-то странный был, право, не пойму... Одним словом, намекнули, что какие-то на меня новые виды есть... А какие именно – не сказали. Ну, ты мой характер знаешь, я допытываться не стал...

– погоди, Сергей, – перебил брата Леонтьев. – Какие бы на тебя виды ни были, дело не в том... При всех условиях Коленьке надо будет учиться. Это – главное. И будет он учиться в Москве, а жить у меня... Что может быть лучше?

Сергей Павлович задумался.

– Не скрою – была у меня и такая мысль... Однако, Николай, хочу сказать прямо...

– Ну-ну, ты ближе к делу, без предисловий! – нетерпеливо бросил Николай Петрович. – Какие там ещё “однако”?

– Человек ты вроде теперь холостой, – деликатно начал Сергей. – Но ведь в бобылях оставаться не собираешься. Пора и тебе своей семьёй обзаводиться... И, наверно, есть уже кто-нибудь на примете... Так вот, одним словом, как бы это тебе не помешало?.. Как к этому твоя будущая жена отнесётся, и вообще...

Николай Петрович грустно улыбнулся.

– Всё ясно, – тихо сказал он. – Так вот, Серёга, уж если зашёл об этом разговор, скажу по совести: нет у меня никого на примете, нет... Одним словом, жениться пока не собираюсь... Все эти военные годы, сам понимаешь, не до того было... Вам на фронте было не просто, но и нашему брату, тыловику, тоже хватало...

– Знаю, о чём говорить... – произнёс Сергей Павлович.

– А потом, Серёга, – продолжал Николай Петрович, – с головой я ушёл в свою работу... Такие, брат, раскрываются перспективы – голова кружится... Сам знаешь, я – ракетчик, а это дело с фантастическим будущим, можешь мне поверить!..

– Что ж не верить, – сказал Сергей. – Твои “Л-2” теперь весь мир знает... Поработали на славу!..

– Да что там “Л-2”! – горячо воскликнул Николай Петрович. – Это всё вчерашний день, детский лепет, пройденный этап... И вообще, ты же меня как облупленного знаешь, я хоть и полковник, а ведь работать мечтаю не на войну... И хочу верить, что больше войны не будет... Во всяком случае, мы сделаем всё для того, чтобы не было... Так ведь, Серега?

– Гм... Так-то оно так, Николай... Мы-то всё будем делать, да ведь не от нас одних зависеть будет... Мало ли ещё на свете всякой сволочи?.. И одно из средств, чтобы не было войны, – иметь крепкие кулаки... Как это поётся в песне: “Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути”...

– Песня была хорошая, – ответил Николай Петрович. – И смысл в ней недурен. Правда, бронепоезда не очень нынче в моде, но дело не в том. Ты прав в одном – хорошие кулаки нужны... Но, видишь ли, Серёжа, дело, которым я теперь увлечён, – увлечён до последнего вздоха, до последней мысли, до последней мечты! – это дело, без всякого преувеличения, откроет новую эру человечества!.. Верю, знаю, мы, советские учёные и инженеры, это сделаем, сделаем на радость всему свету!.. Сделаем, Серега, поверь мне, сделаем!.. Ради одного этого стоит жить, стоило родиться, стоит работать до зари!..

Адъютант Сергея, пришедший доложить, что машина подана, увидел двух братьев, стоявших в саду, глядящих прямо в глаза друг другу. Он услышал голос Николая Петровича, и было в этом голосе такое глубокое человеческое волнение, и так внимательно слушал его Сергей Павлович, и так блестяли у обоих братьев глаза, что адъютант невольно остановился, а потом повернул обратно.

Через несколько минут он снова вошёл в сад и доложил, что машина подана.

Братья обнялись. Оба надеялись, что вскоре встретятся снова.

Николай Петрович сел в машину, она тронулась и помчалась вперёд. На повороте, на самом берегу озера, Николай Петрович оглянулся и увидел высокую фигуру брата, всё ещё глядевшего ему вслед.

Николай Петрович сорвал с головы фуражку и помахал ею брату, который в ответ сделал приветственный жест рукой.

Неведомы пути, которыми приходит иногда человеческое сердце к предчувствию беды. Именно в этот момент, на повороте дороги, Николай Петрович ощутил вдруг, неведь почему, обжигающий холодок такого предчувствия и с трудом преодолел желание остановить машину и вернуться к брату, одиноко стоявшему у подъезда виллы “Фюрстенгоф”, на окраине маленького курортного городка Буков.

Новое назначение

Приехав в Берлин, Леонтьев снова повидался с генерал-полковником Берзариным и рассказал ему о судьбе брата и его сынишки. Внимательно выслушав Леонтьева, Берзарин обещал помочь в розысках мальчика и при этом добавил:

– Вообще в этом вопросе американцы ведут себя странно. В их зоне оккупации, как нам точно известно, находится много советских людей, в том числе подростков, в своё время угнанных гитлеровцами в Германию. Так вот, под разными предложениями, ни взрослым, ни подросткам пока не разрешают вернуться на Родину. Наши работники, занимающиеся вопросами репатриации, сталкиваются с самыми удивительными препятствиями – отговорками, отписками, прямым отрицанием фактов и всякого рода подтасовками. Тут ведётся какая-то подлая игра, имеющая довольно зловещий характер, Николай Петрович... Эх, больно об этом говорить!..

И Берзарин с досадой махнул рукой.

С особенным чувством Берзарин рассказывал о детях, раньше других завязавших самые живые связи с советскими воинами. Немецкие ребяташки уже запросто приходили в гости к нашим танкистам, пехотинцам, артиллеристам, вступали с ними в разговор, и, несмотря на различие языка, хозяева и гости каким-то загадочным образом превосходно понимали друг друга...

– Это просто удивительно, – улыбаясь, продолжал Берзарин. – Причём, Николай Петрович, это не исключение, а правило... Всякий раз, видя, как наши солдаты играют с немецкими детьми, охотно их кормят, ласкают, дарят им какие-то безделушки, с гордостью думаю о нашем народе... Какое сердце надо иметь для того, чтобы так относиться к детям людей, причинивших нам столько зла?.. Конечно, мы все понимаем, что воевали не с немецким народом, нам чужда национальная рознь, всё это так, но ведь столько жертв понесли наши люди, столько потерь, а не озлобились, не поддались мстительным чувствам...

Леонтьев радостно ощутил глубокую убеждённость этого человека, глубину и ясность его мышления, пленительность всего его облика – живых и умных глаз, смотревших с млажавого, открытого и мужественного лица, скупых и выразительных жестов. Леонтьев с гордостью думал о том, каких чудесных людей удалось воспитать партии, каких командиров она выковала для своей армии. Поистине, такие командиры были достойны своих солдат, как их солдаты – своих командиров...

На следующий день, утром, Леонтьев вылетел из Берлина в Москву. В самолёте, под мерный гул моторов, он вспоминал свой вчерашний разговор с генералом Берзариным, уговор непременно встретиться в Москве...

Но не суждено было состояться этой встрече. Через некоторое время Берзарин, страстный мотоциклист, выехал под вечер проветриться после напряжённого трудового дня. На одном из перекрёстков Берлина на его мотоцикл на полном ходу наскочила грузовая машина, и он, прошедший через столько битв и сражений кровавой войны, погиб на мостовой Берлина, в который первой ворвалась его армия и в котором он был первым советским комендантом...

Ничего удивительного не было в том, что десятки тысяч советских офицеров и солдат со слезами провожали гроб с телом своего командира и боевого друга. Иначе и быть не могло.

Гораздо удивительнее, что этот гроб провожали со слезами и десятки тысяч немцев, жителей Берлина, уважение и любовь которых успел завоевать “герр советишер милитер комендант”.

И уж совсем удивительно, что слёзы немцев, провожавших гроб советского генерала, почему-то испугали и заставили недовольно нахмуриться кое-кого из представителей союзных оккупационных властей...

В самом деле, почему?

* * *

Через три дня после того как Сергей Леонтьев простился с братом, его вызвали из Букова в Берлин. Здесь полковнику Леонтьеву объявили о назначении его военным комендантом одного из городов, находящихся на границе с американской зоной оккупации. Сергей Павлович пробовал было отказаться, ссылаясь на то, что он, танкист, ничего не понимает в городском хозяйстве, но ему резонно указали, что все коменданты тоже люди военные и, ничего, справляются по мере сил и в силу необходимости с новыми обязанностями.

И через несколько дней, с грустью простившись с любимым полком, Сергей Павлович выехал в Берлин, а оттуда в город, где ему суждено было теперь работать. Перед отъездом из Берлина полковник вновь зашёл к товарищам, ведавшим вопросами репатриации, и узнал от них, что розыски его сына ведутся. Получены новые данные о том, что в американской зоне оккупации, где-то между Нюрнбергом и Мюнхеном, имеется лагерь, в котором содержатся многие советские подростки, в своё время угнанные в Германию, но переговоры о возвращении их на Родину пока идут туго.

Тем не менее офицер, ведавший этими вопросами, надеялся, что в конце концов удастся добиться согласия американских военных властей на возвращение подростков в Советский Союз.

Списка советских подростков, находящихся в лагерях, американцы пока не дали, поэтому неизвестно, есть ли среди них сын Леонтьева.

Теперь, сидя в машине, мчавшейся по широкой автостраде Берлин – Лейпциг, Сергей Павлович с тревогой думал о том, удастся ли выяснить судьбу Коленьки.

В Лейпциге полковник остановился в военной комендатуре и после завтрака подробно ознакомился со структурой комендатуры, штатами, планом работы. Комендант Лейпцига охотно делился своим опытом, дал много полезных советов.

Уже вечером Сергей Павлович выехал из Лейпцига на запад, к месту своего назначения.

В Цвикау Сергей Павлович заночевал у местного военного коменданта и опять, как и в Лейпциге, долго расспрашивал майора о его работе, а тот охотно рассказывал обо всех своих делах, трудностях, печалях и радостях.

Рано утром, простившись с майором, Сергей Павлович выехал из Цвикау и часа через полтора приехал наконец в город, комендантом которого был назначен.

Оставив машину на площади, между городской ратушей и стрельчатой розовой кирхой, Сергей Павлович решил прежде всего погулять по городу. Он пересёк площадь. Напротив кирхи его внимание привлёк красивый трёхэтажный дом с красной черепичной крышей и широким подъездом. Над домом реял красный флаг, подъезд с обеих сторон декорирован широкими альми полотнами с лозунгами на русском и немецком языках. Часовой с автоматом похаживал у подъезда. Это была советская военная комендатура.

Перед домом стояли легковые машины разных марок. Их водители, военные шофёры в пилотках, лихо сдвинутых набок, собравшись у одной из машин, о чём-то весело беседовали. Завидев полковника, шофёры вскочили, вытянулись, взяв под козырёк. Ответив на их приветствие, Сергей Павлович пошёл дальше, отметив про себя, что в подъезд комендатуры то и дело входят посетители – женщины с детьми, два пожилых немца в старомодных котелках, какие носили ещё в начале века, оба в крахмальных воротничках и чёрных костюмах, несколько немецких юношей в брюках “гольф” и, судя по одежде, двое крестьян. Все они свободно входили в комендатуру, не обращая внимания на солдата с автоматом, как и он, по-видимому, не обращал на них никакого внимания, привыкнув к потоку посетителей.

Полковник долго ходил по этому довольно большому городу, который был мало разрушен. Внимательно разглядывая улицы, скверы и переулки, Сергей Павлович поймал себя на

том, что замечает и фиксирует в своём сознании ещё заколоченные витрины многих магазинов, очередь у булочной, неубранные кучи щебня и мусора в одном из переулков, запертые двери школы... Он уже входил в свою новую роль.

С любопытством он разглядывал уличную толпу – озабоченных женщин с хозяйственными сумками, группу немцев, столпившихся у щита, на котором был вывешен приказ военного коменданта, немецких девушек, с интересом следящих на перекрестке за тем, как военная регулировщица в пилотке и хорошо пригнанной гимнастёрке, загорелая, тоненькая, очень хорошенькая, ловко и строго командует проносющимися машинами, водители которых на ходу бросают ей какие-то весёлые приветствия.

В большом сквере, где Сергей Павлович присел на скамью покурить, шумно играли светлоголовые, аккуратно одетые дети. Их матери, сидя неподалёку с вязаньем в руках, о чём-то болтали. Заметив его, они стали шептаться, бросая любопытные взгляды на высокого советского полковника. В этот момент большой красно-синий мяч, брошенный кем-то из детей, угодил прямо в лицо Сергею Павловичу.

Женщины в испуге вскочили. Одна из них, по-видимому, мать ребёнка, бросившего мяч, подбежала к Сергею Павловичу и, вспыхнув от волнения, стала извиняться.

– О, герр оберст, ради бога, извините моего малыша, – лепетала молодая стройная женщина. – Ему всего пять лет, и он недостаточно ловок... Ради бога, извините, герр оберст!..

– Вы напрасно так волнуетесь, фрау, – ответил по-немецки Сергей Павлович, не без труда подбирая слова. – Как зовут вашего ребёнка?

– Генрих, – ответила молодая женщина. – Поди сюда, маленький, и попроси прощения у герр оберста, – обратилась она к малышу, который, стоя поблизости, с совершенным спокойствием и любопытством наблюдал за этой сценой.

Малыш послушно подошёл к матери и, улыбаясь, посмотрел на полковника. Сергей Павлович взял его на руки, поднял на уровень своего лица и спросил:

– Ну, Генрих, скажи, хороший ли ты человек?

– О да, я хороший, – очень убеждённо ответил мальчик. – Вы не думайте, что если я попал в вас мячом, то я плохой...

– Я вовсе этого не думаю, – засмеялся Сергей Павлович. – Ведь война уже кончилась, и если ты попал в меня мячом, то это просто случайность. Или, может быть, ты хотел поиграть в войну?

– Ах, герр оберст, – поспешно вмешалась в разговор мать ребёнка. – Даже немецкие дети не хотят больше играть в войну! Поверьте, что это так... Его бедный отец...

И она со слезами отвернулась.

– Мутти, не надо плакать, ты же мне обещала, – потянулся к матери ребёнок, сразу перестав улыбаться.

Сергей Павлович передал малыша на руки женщине и, вынув из сумки плитку шоколада, протянул её ребёнку.

– Вот, Генрих, возьми на память о том, как ты залепил мне мячом в лоб, – сказал он. – Береги свою маму и старайся её не огорчать.

– Спасибо, – ответил малыш и, взяв плитку, стал с интересом разглядывать обёртку.

– Вы очень любезны, герр оберст, – смущённо произнесла, покраснев, мать ребёнка. – Это слишком дорогой подарок, я, право, не знаю, как быть?

– Зато Генрих уже знает, как быть, – ответил Сергей Павлович, указывая на ребёнка, который уже срывал обёртку и фольгу. – Позвольте пожелать вам всего хорошего, фрау... Простите, я не знаю вашего имени...

– Лотта... – окончательно смущаясь, произнесла молодая женщина. – Лотта Вайнберг, герр оберст...

– Очень приятно. Всего хорошего, фрау Лотта...

И, поклонившись, Сергей Павлович вышел из сквера, провожаемый любопытными взглядами фрау Лотты, других женщин, видевших эту сценку, и детей.

Генрих, которого мать уже спустила на землю, внезапно бросился вдогонку за полковником.

– Герр оберст, герр оберст!.. – кричал малыш. – Приходите ещё раз, я бываю здесь каждый день! Приходите – я буду осторожен с мячом!..

Этот белокурый, аккуратно остриженный малтш так трогательно смотрел на Сергея Павловича, его глазёнки были полны такого искреннего желания, чтобы высокий русский полковник снова пришёл (а может быть, и принес ещё одну плитку шоколада), что Сергей Павлович опять поднял его в воздух и, глядя ему прямо в глаза (чем-то эти глаза напоминали Коленьку, тогда, до войны, когда Коленьке тоже было пять лет), сказал:

– Да, да, мы ещё увидимся, Генрих... Я обязательно приду...

И, поцеловав ребёнка, Сергей Павлович опустил его на землю.

* * *

Заместитель военного коменданта города (комендатура была также и окружной) подполковник Глухов, исполнявший обязанности коменданта, искренне обрадовался появлению Леонтьева, о назначении которого ему уже было известно.

Коренастый, грузный подполковник с грубоватым, но добродушным лицом и маленькими, быстрыми, с хитринкой глазами принимал посетителей в тот момент, когда в его кабинет вошёл Сергей Павлович.

Увидев полковника и сразу догадавшись, что это и есть новый комендант, Глухов встал со словами “Здравия желаю, товарищ полковник” и тут же, обратившись к посетителю – это был один из двух немцев в котелках, замеченных Сергеем Павловичем ещё утром, – произнёс, путая русский язык с немецким:

– Битте, придётся подождать... Вартен... Ферштеен?

– Яволь, герр комендант! – щёлкнул каблуками сообразительный немец и, отвесив низкий поклон Сергею Павловичу, вышел в приёмную, где сидело много других посетителей.

– Здравствуйте, товарищ Глухов, – полковник пожал руку своему заместителю. – Рад познакомиться. Будем вместе работать. Леонтьев, Сергей Павлович...

– Очень приятно, товарищ Леонтьев, – ответил Глухов. – Мне ещё вчера по телефону сообщили из Берлина о вашем выезде. По совести сказать, не мог дожидаться вашего прибытия – совсем запарился...

– Много работы? – коротко осведомился Леонтьев.

– Тьма!.. А главное – куча самых, знаете ли, загадочных дел...

– Загадочных?

– Точно. Таких, проще сказать, что не знаешь, как и поступить. С утра всё ходят и ходят, каждый с вопросами, а что на эти вопросы отвечать? – сам чёрт не разберёт!.. С одной земельной проблемой можно голову сломать!.. Начали раздел помещичьих земель, а многие бауэры боятся землю брать – это, говорят, не положено... Рядом американская зона – там свои порядки. Наши немцы ходят к ним, их немцы к нам, одним словом, столпотворение... За день такого наслушаешься, таких тебе навалит вопросов, просьб, жалоб, доносов, что к вечеру голова кругом идёт...

– Переводчик у вас есть, товарищ Глухов? – спросил Сергей Павлович. – Я заметил, что в немецком языке вы не так уж...

– Есть одна переводчица, из репатриированных, – ответил Глухов. – Четыре года здесь на заводе работала. Сама она из Харькова, чертёжница... Впрочем, я и без неё кое-как обо-

жусь... Скажешь одно слово по-русски, одно по-немецки, третье – руками объяснишь... Найдём общий язык...

Сергей Павлович засмеялся.

– Я и сам заметил, – произнёс он улыбаясь, – что наши солдаты и офицеры как-то научились разговаривать с немцами, и те их отлично понимают. Однако, товарищ Глухов, посетители ждут... Продолжайте приём, а я послушаю.

– Есть. – Глухов, открыв дверь в приёмную, произнёс: – Битте!..

В комнату вошёл тот же пожилой немец.

– Итак, герр комендант, – произнёс он по-немецки, – я могу продолжать?

– Битте, – любезно ответил Глухов.

Немец начал излагать своё дело. Он оказался владельцем городского варьете и просил “уважаемого и достопочтенного герр коменданта” подействовать на майора Пискунова, помощника коменданта по культурным вопросам. Герр майор Пискунов, оказывается, просмотрел программу варьете, подготовленную с большим трудом, и, увы, запретил два номера, являющихся, без всякого сомнения, гвоздём программы...

– Вас ист дас за номера? – спросил на том же немецко-русском диалекте Глухов, и немец действительно отлично его понял.

Оказывается, оба номера строгий майор запретил на том основании, что счёл их безнравственными.

– Герр комендант, – лепетал хозяин варьете, – не является ли баптистом господин майор? Уверю вас, в программе нет ничего безнравственного. Наконец у меня варьете, а не воскресная служба в кирхе, герр комендант!.. Да, фрейлейн Грита, исполняющая песенки, действительно выходит на сцену в газовой тюнике, но что тут плохого, уважаемый господин комендант, особенно если учесть, что у фрейлейн Гриты божественный бюст? Что же касается фрейлейн Вероники, которая танцует мексиканское танго и, по ходу танца постепенно раздеваясь, даёт возможность публике обстоятельно всё рассмотреть, так это же балет, а не что-либо иное... Почему же уважаемый майор Пискунов так беспощаден к балету?

– Если не ошибаюсь, – обратился Леонтьев к хозяину варьете, – вы пришли на приём вдвоём?

– Совершенно верно, герр оберст, – ответил немец. – Это мой компаньон. Он ожидает в приёмной решения господина коменданта, так как мы распределили между собой обязанности: он ведаёт программой, а я хлопочу о разрешении...

– Вы давно стали хозяином варьете?

– Три года тому назад, герр оберст.

– А ваш компаньон?

– Как вам сказать, герр оберст... Моим компаньоном он стал недавно, точнее, на днях...

Поскольку комендатура закрыла его заведение...

– А какое у него было заведение?

– Я не знаю, как лучше выразиться, господин полковник, – замялся хозяин варьете. – Мой компаньон... Одним словом, у него было такое заведение, о котором не принято говорить при дамах, господин полковник...

– Здесь, кажется, нет дам...

– У него был бордель, господин полковник, прошу меня извинить.

– Уже если извинять, то его, а не вас, – ответил Сергей Павлович. – И ваш компаньон порекомендовал эти два номера из бывшего своего заведения... Так?

– В какой-то мере, господин полковник...

– Как видите, майор Пискунов беспощаден не к балету, а совсем к другим вещам. Хорошо, идите, мы проверим этот вопрос.

Пятясь и непрерывно кланяясь, хозяин варьете вышел из кабинета. Глухов и Сергей Павлович посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Ну, кто там ещё? – спросил Сергей Павлович.

– Сейчас. – Глухов, снова открыв дверь, произнёс привычное “битте”.

В кабинет вошла сухая, высокая женщина, в расшитом чепце и тёмном, закрытом платье крестьянского покроя. За нею, держа в руке зелёную тирольскую шляпу с пером, осторожно следовал маленький, круглый, как шар, человечек с выражением крайнего испуга на красном, обветренном лице.

– Гутен таг, герр комендант!.. – басом пропела женщина и сделала нечто вроде книксена.

– Гутен таг, герр комендант! – тоненьким голосом повторил как эхо мужчина и низко поклонился.

– Гутен таг! – ответил Глухов. – Зецен зи, битте...

– Вот такое дело, герр комендант, – решительно начала женщина. – Я есть Анна-Мария Глезер. Это есть Карл Глезер. Между прочим, герр комендант, Карл Глезер есть мой муж...

– Я вас слушаю, фрау Глезер, – сказал Глухов и тут же шепнул сидящему рядом с ним Леонтьеву: “Ручаюсь, пришли отказываться от земли...”

– Вчера, герр комендант, меня, Анну-Марию Глезер, и моего мужа Карла Глезер вызвали в контору поместья господина фон Равеца и там объявили, что я, Анна-Мария Глезер, и мой муж, Карл Глезер, должны взять землю господина фон Равеца... – начала женщина.

– Да, да, ровно три гектара, герр комендант, за прудом, недалеко от беседки, где господин фон Равец всегда играл в преферанс, – добавил её муж.

– Понятно. Вас волен зи по такому случаю? – быстро спросил Глухов.

И опять поразился Сергей Павлович тому, что эти немецкие крестьяне отлично поняли подполковника.

– Их данке, герр комендант, – произнесла женщина и опять сделала нечто вроде книксена.

– Их данке, – пропищал её муж.

Глухов смутился и растерянно посмотрел на Сергея Павловича.

– Смотрите, берут... – шепнул, смутившись, Глухов. – Удивлён!..

И, обращаясь уже к крестьянам, произнёс:

– Зеер гут. Одним словом, в добрый час... Гуте ур!..

– Мы пришли сказать, господин комендант, – снова произнесла женщина, – что я, Анна-Мария Глезер, и мой муж, Карл Глезер, не можем взять эту землю...

– Да, да, мы никак не можем! – повторил Карл Глезер.

– Что я вам говорил?! – сразу успокоившись, прошептал Леонтьеву Глухов. – Уж я их знаю!..

– Неужели такая плохая земля? – сделав вид, что не понимает причины отказа, обратился Леонтьев к супружеской чете.

– О, что вы говорите, герр оберст! – почти с испугом ответила женщина. – Превосходная земля!.. Это же земля барона фон Равеца!.. Разве у него могла быть плохая земля?

– У барона фон Равеца не могло быть плохой земли, – подтвердил Карл Глезер. – На то он и барон...

– Но если земля хороша, то почему же вы не хотите её брать? – улыбаясь, спросил Леонтьев.

– Потому что это земля барона фон Равеца, – ответила женщина.

– Да, да, это же его земля, – произнёс её муж.

– А разве вы не знаете, что помещичьи земли теперь будут отданы крестьянам? – спросил Леонтьев.

– Нам сказали, что хотят так сделать, герр оберст, – ответила крестьянка. – Но ведь барон не оставил такого завещания.

– А барон разве умер?

– Нет, он удрал на запад, герр оберст. Он не умер. Тем более мы не можем взять его землю без его согласия...

– Как же можно без согласия барона? – удивленно пропищал Карл Глезер. – Три дня назад от барона пришло письмо – он запрещает бауэрам брать землю...

– Да, да, и господин барон пишет, что скоро вернётся обратно, в своё поместье, герр оберст...

– Я сомневаюсь в этом, – произнёс Леонтьев. – Но если барон и вернётся, то никто не вернёт ему поместья... Он может получить такой же надел земли, как и любой из вас, не больше...

– Но это же его земля, – воскликнула женщина.

– Нет, это народная земля, – уже рассердившись, сказал Леонтьев. – И вам пора это понять... Где вы живёте?

– Деревня Шпигельдорф, рядом с поместьем барона фон Равеца, герр оберст...

– Через пару дней я приеду в вашу деревню, соберу всех бауэров и мы вместе решим этот вопрос, – произнёс Глухов. – Ждите моего приезда...

– Хорошо, мы будем вас ждать, герр комендант, – сказала женщина и, снова присев, направилась к двери.

– Мы будем ждать, – повторил, как всегда, её муж и тоже направился к выходу.

– Одну минуту, – остановил их Леонтьев. – Присядьте, пожалуйста.

Супруги Глезер снова подошли к столу и послушно сели.

– Остальные крестьяне вашей деревни тоже отказываются от земли?

– Да, господин полковник, за исключением трёх человек.

– Понимаю. А как вы поступите, если я дам вам приказ взять землю? Понимаете, приказ?

– Приказ есть приказ, господин полковник. Как можно не выполнять приказ? – пропищал Глезер, неуверенно поглядывая на жену.

– Но приказ должен быть в письменном виде, – добавила женщина. – Чтобы господин барон мог убедиться, что мы не могли иначе поступить...

– Хорошо. Вы получите такой приказ, – сказал Леонтьев, и крестьяне, заметно повеселев, ушли из кабинета.

– Видали? – спросил Глухов.

– Видал. И вовсе не удивлён, – ответил Леонтьев. – Чудес на свете не бывает, товарищ Глухов. Они так воспитаны веками. Но сила революционных идей как раз и состоит в том, что вековые предрассудки, обычаи и взгляды этими идеями взрываются в сравнительно короткий срок. Ничего, немецкий народ пережил Гитлера, переживёт и барона фон Равеца, Анна-Мария Глезер ещё поймёт, что баронская земля принадлежит ей, а не барону. И, насколько я успел заменить, если это поймёт Анна-Мария, то вместе с нею поймёт и её муж, – с улыбкой добавил Леонтьев. – Помните, знаменитый немецкий стратег Клаузевиц писал, что для армии момент наивысшей победы может иногда превратиться в поражение. Наша армия победила гитлеровскую Германию, заняла Берлин. Огромная победа!.. Но если Анна-Мария Глезер не поймёт, что баронская земля принадлежит ей, если мы не сможем её в этом убедить, это будет настоящее поражение, Глухов, прошу меня верно понять... И мы с вами обязаны победить снова, потому что никто не простит нам поражения... Условимся же с самого начала, товарищ Глухов, что и за эту победу мы будем бороться так же настойчиво, терпеливо и смело, как боролись за первую...

И, подойдя к Глухову, Сергей Павлович крепко пожал ему руку.

* * *

Уже вечером, познакомившись с работниками комендатуры, полковник в сопровождении своего заместителя поехал на приготовленную для него квартиру. Глухов сообщил, что Леонтьеву отведён второй этаж в вилле, принадлежащей известному немецкому физику профессору Иоганну Вайнбергу.

– Вайнберг? – спросил в машине Леонтьев. – Я где-то слышал эту фамилию...

– Возможно, Сергей Павлович, – ответил Глухов. – Это довольно крупный учёный. Он никогда не был нацистом и даже находился под наблюдением гестапо, как нам удалось выяснить. Не будь он таким крупным физиком, его давно бы упрятали в концлагерь. Правда, этот профессор, как мне говорили, чуждается политики, но в антифашистских кругах он всегда пользовался репутацией честного человека... У него хорошая вилла, сад, и я считал, что поселиться вам в этом доме со всех точек зрения удобно... Профессор два года назад овдовел, живёт с невесткой и её сынишкой. Сын профессора Вайнберга погиб на фронте.

– Сегодня утром, гуляя по городу, я познакомился с одной молодой женщиной и её сынишкой, – сказал Леонтьев. – Её фамилия Вайнберг... Но, может быть, это случайное совпадение...

– Когда я осматривал виллу, – сказал, чуть улыбнувшись, Глухов, – я познакомился с невесткой профессора Вайнберга... Хороша, ничего не скажешь!.. Такая высокая, стройная блондинка?

– Кажется, я не очень её разглядел, – неохотно ответил Леонтьев, несколько смущённый улыбкой Глухова. Теперь он не сомневался, что Лотта Вайнберг – невестка того самого профессора, в доме которого ему отведена квартира.

Машина подъехала к двухэтажному красивому дому с черепичной крышей, расположенному на одной из тихих боковых улиц, недалеко от центра города. Высокие цветущие липы обрамляли с обеих сторон нарядные виллы.

Глухов подошёл к узорчатой чугунной калитке и нажал и кнопку звонка. Через несколько секунд с мерным гудением включилось автоматическое реле и калитка отворилась.

Офицеры вошли в палисадник, поднялись по ступенькам подъезда, на пороге которого стояла Лотта Вайнберг. Увидев и сразу узнав Леонтьева, молодая женщина вспыхнула от неожиданной встречи.

– Гутен таг, фрау, – поздоровался с Лоттой Глухов. – Дас ист герр оберст Леонтьев... Милитер комендант...

– Здравствуйте, фрау Лотта, – произнёс по-немецки Леонтьев, здороваясь с молодой женщиной. – Я уже рассказал моему товарищу, что мы случайно сегодня познакомились...

– Да, да, господин полковник, – произнесла Лотта. – Нас предупредили, что здесь поселится господин военный комендант, но, встретившись с вами, я не думала, что это вы... Прошу вас, заходите в дом...

Они вошли в просторный холл, облицованный полированным орехом. Прямо из холла начиналась деревянная, не очень широкая лестница, ведущая на второй этаж. Пока Леонтьев и Глухов снимали плащи, Лотта прошла в глубину дома. Через матовые стеклянные двери донёсся её голос.

– Отец, приехал господин комендант, – говорила она. – Можно проводить его к вам?

– А зачем он мне нужен? – ответил на её вопрос спокойный мужской голос. – Проводи его наверх, пусть устраивается, как хочет...

– Но, может быть, господин комендант выразит желание познакомиться с хозяином дома, отец? – робко спросила Лотта.

– Теперь ведь они сами здесь хозяева, – ответил мужчина. – Во всяком случае, так они считают!.. Ещё бы, победители!..

Леонтьеву стало не по себе. Диалог за дверью, по-видимому, понял и Глухов, выразительно покачавший головой. В холл вышла окончательно смущённая Лотта.

– Господин профессор не очень хорошо себя чувствует, – произнесла она в тоне извинения. – Позвольте проводить вас наверх, господа?

Наверху фрау Лотта показала Леонтьеву все комнаты, предоставленные в его распоряжение: светлую гостиную, обитую зеленоватым штофом, большой кабинет с мягкой кожаной мебелью и книжными шкапами во всю стену, спальню с туалетной комнатой и, наконец, просторную столовую с буфетом, смахивающим на кафедральный собор, натюрморты на стенах и массивными дубовыми стульями.

Все эти комнаты были обставлены несколько старомодно, но солидно и не претенциозно. Не было в обстановке и того особого бюргерского стиля, замеченного Леонтьевым во многих немецких квартирах с их пузатыми полированными комодами, огромными двухспальными кроватями, фривольными картинами на стенах и вышитыми бисером на всевозможных дорожках, салфетках и ковриках поучительными сентенциями.

Всё в этих просторных, светлых комнатах с большими окнами, мягкими тонами стен, удобной мебелью, отличными гравюрами и хорошо подобранной коллекцией старинного фарфора говорило о прочно устоявшемся быте интеллигентной, притом давно и вполне обеспеченной семьи.

Сергей Павлович, осмотрев комнаты, подумал про себя, что ему такая большая квартира, в сущности, ни к чему. Но, посмотрев на открытое, милое лицо фрау Лотты и уловив в её лучистых, ясных глазах самую искреннюю приветливость, Сергей Павлович поблагодарил милую хозяйку – если он не стеснит семью профессора, то будет рад здесь поселиться.

На следующий день, после ночёвки у Глухова, полковник Леонтьев переехал в свою новую квартиру. Когда машина Леонтьева подъехала к вилле, Леонтьев был встречен радостными криками Генриха, которому мать ещё утром сообщила, что тот самый герр оберст, с которым он познакомился в парке, будет у них жить.

Поскольку у Генриха сохранились самые приятные и даже сладкие воспоминания о герр оберсте, он с нетерпением ожидал его приезда, очень волновался, что герр оберста долго нет, и даже два раза спрашивал своего деда, не передумал ли герр оберст поселиться у них.

Дед, не чаявший души в своём пятилетнем внуке, заинтересовался, почему Генрих с таким нетерпением ждёт полковника. И тогда Генрих рассказал деду обо всем, что произошло в скверике, где он угодил этому русскому полковнику мячом прямо в лоб, а полковник подарил ему шоколад.

Профессор Вайнберг, обратившись к Лотте, сидевшей в стороне с вязаньем в руках, заметил с улыбкой:

– Лотта, дитя моё, не замечаешь ли ты, что русские офицеры довольно быстро завоёвывают симпатии немецких детей и молодых женщин?

Лотта вскинула глаза на старого профессора, которого нежно любила:

– Мне кажется, что вы правы, отец. Но, может быть, это объясняется тем, что дети, в отличие от взрослых, лишены предрассудков?

Сухощавый, с белой как лунь головой, профессор чуть нахмурил кустистые брови, нависшие над глубоко сидящими глазами, и, поглядев на невестку поверх очков, проворчал:

– А может быть, дело не в предрассудках, а в том, что дети, как и женщины, любят победителей?..

Фрау Лотта вспыхнула, но промолчала.

Шум подъехавшей машины прервал этот разговор. Генрих бросился встречать долгожданного оберста, а его старый дед, выйдя на балкон, не без удивления увидел, как высокий русский полковник, схватив малыша на руки, легко поднял его и крепко поцеловал.

Профессор не желал, чтобы жилец заметил его присутствие при этой сцене. Покачив головой, он быстро покинул балкон и спустился по внутренней лестнице на первый этаж, в комнату, куда уже перенесли его рабочий стол, самые необходимые книги и портреты покойной жены и сына Вальтера, погибшего на русском фронте.

Плотно притворив дверь своего нового кабинета, профессор Иоганн Вайнберг сел в старое, дедовское кресло, подлокотники которого протирали многие поколения их семьи, и поразился мысли, блеснувшей как молния в его сознании: а что если этот самый русский полковник, там, в далёком и легендарном Сталинграде, убил отца малыша, которого он так нежно и, по-видимому, вполне искренне поцеловал. И, если есть хоть малая вероятность такого совпадения, почему он, старый немецкий профессор, дед Генриха и отец бедного Вальтера, не пришёл в ужас от этого поцелуя?..

Вторая встреча

Полковник Грейвуд, сидя в своём служебном кабинете, читал только что расшифрованную телеграмму из Вашингтона, подписанную генералом Маккензи, начальником отдела американской разведки, в котором работал полковник.

Генерал Маккензи отмечал оперативность полковника Грейвуда, сумевшего довольно быстро перебросить в США немецкого физика профессора Майера. Майер работал в области атомной энергии и сравнительно легко принял предложение Грейвуда переехать за океан для продолжения своей научной деятельности.

К сожалению, вторая часть телеграммы носила весьма язвительный характер:

“...Успешно закончив переговоры с Майером и добившись его согласия, вы не дали себе труда выяснить степень полезности указанного специалиста. Между тем, как выяснили наши эксперты при беседе с Майером, он являлся лишь одним из помощников профессора Иоганна Вайнберга, с которым работал много лет. Вайнберг, не разделявший нацистских взглядов Майера, относился к нему без особого доверия, чтобы не сказать больше. Поэтому профессор Вайнберг допускал Майера лишь к работам второстепенного значения, не открывая ему своих главных секретов.

По характеристике Майера профессор Вайнберг далёк от политики, ведёт довольно замкнутый образ жизни и, будучи противником фашизма, в то же время отрицательно относится к коммунистам. Если учесть, что единственный сын Вайнберга убит в России, мы имеем определённые перспективы в смысле работы с этим человеком. В настоящее время Вайнберг проживает в своём родном городе, в советской зоне оккупации. Вместе с ним живёт его невестка, вдова его сына, и её ребёнок.

Сообщая эти данные для ориентировки, обязываю вас приступить к операции по вывозу профессора в США. Предоставляя вам полную свободу в разработке плана операции, обращаю ваше внимание на желательность применения в данном случае методов психологической обработки, ибо, судя по тому, что сообщает Майер о характере Вайнберга, последний принудительно работать не будет...”

Далее в телеграмме Маккензи был указан точный адрес профессора, а также сообщалось условное наименование нового задания – “Нейтрон”.

Прочитав телеграмму, Грейвуд помрачнел. Он терпеть не мог своего начальника генерала Маккензи, с которым много лет назад был на равном положении. Потом Маккензи удалось продвинуться при помощи своего дядюшки, крупного американского банкира, дочь которого вышла замуж за одного из руководителей стратегической разведки. Поговаривали, что этот брак был выгоден для обеих сторон: жених соблазнился миллионным приданым, невеста, точнее, её отец – положением жениха, облегчавшим доступ банкира к секретным военным заказам.

Став начальником Грейвуда, Маккензи страшно заважничал. Он всячески придирился к работе своего подчинённого и любил выставлять его перед высшим начальством в смешном свете. Грейвуд был гораздо способнее как разведчик, чем Маккензи, и это в своё время никем не подвергалось сомнению. Теперь Маккензи мстил Грейвуду за старые обиды.

Взять хотя бы сегодняшнюю телеграмму. Маккензи было отлично известно, что Грейвуд затратил немало сил на то, чтобы разыскать Майера и уговорить его переехать за океан. В своё время, перед выездом Майера, не кто иной, как сам Грейвуд информировал этого олуха Маккензи, что Майер не бог весть какой гений и что он может быть полезен главным образом как человек, знавший всех немецких физиков-атомщиков. Его можно было использовать для

установления личных контактов с ними. Именно поэтому Грейвуд предлагал Маккензи пока не отправлять Майера в Америку, с тем чтобы при его помощи продолжать работу по вывозу немецких учёных в США. Маккензи, вместо того чтобы принять это разумное предложение, потребовал немедленной отправки Майера. Делал он это, по своему обыкновению, из карьеристских побуждений: ему не терпелось похвастаться перед начальством своей оперативностью.

А когда выяснилось, что Майер сам по себе не представляет большой ценности, Маккензи, чёрт бы его побрал, изображает дело так, как будто бы торопился не он, а Грейвуд!..

Мало того, этот олух ещё “обязывает” полковника перебросить профессора Вайнберга из Германии в США. Легко “обязывать”, сидя в Вашингтоне и проводя все вечера в кабаках и мюзик-холлах! Как будто Маккензи не знает, что работать в советской зоне оккупации не так-то просто... Советская контрразведка уже отлично разгадала политику американских властей в отношении немецких специалистов, патентов и военных секретов. Напрасно Маккензи делает вид, что не понимает, как трудно работать в Восточной Германии. Грейвуд считал, что вообще политика американских оккупационных властей оставляет желать лучшего. Не только в отношении русских, но и в отношении немецкого населения игра ведётся грубо, примитивно.

Полковник Грейвуд был опытным разведчиком и умным человеком. Лишённый каких бы то ни было убеждений, он сам был заядлым циником, уже давно ни в кого и ни во что не верившим. За благообразной внешностью Грейвуда скрывалось холодное, опустошённое сердце, неизлечимое равнодушие ко всему, кроме своих эгоистических интересов.

Но, будучи все же образованным и трезво мыслящим человеком. Грейвуд не мог не видеть всего, что происходило вокруг. Он понимал, что проводимая американскими властями политика чревата серьёзными последствиями. Беззастенчивый грабёж немецких патентов, грубая работа разведки, пьянство и дебоши американских офицеров и солдат, откровенная поддержка крупных немецких промышленников и помещиков и многое другое вызывали естественное возмущение широких слоев немецкого народа. Гитлеровская накипь льнула к американским властям, и это тоже хорошо видел народ. Полное отсутствие заботы о нуждах населения со стороны оккупационных властей находится в разительном противоречии с политикой советских военных комендантов, и об этом, к несчастью, становится широко известно...

Грейвуд был врагом коммунизма, врагом Советского Союза. Поэтому его раздражали грубые промахи американской политики в Германии. Задумываясь над причинами таких промахов, Грейвуд относил их за счёт недалёковидности, тупости, чрезмерной прямолинейности отдельных высоких чинов, не понимал, что дело не только в этом...

...Однако задание есть задание, и полковник, ещё раз прочитав телеграмму Маккензи, стал обдумывать план реализации операции “Нейтрон”. После долгих размышлений он решил лично побывать в том городе, где жил профессор Вайнберг. Справившись по карте, Грейвуд с удовольствием отметил, что этот город находится почти на границе американской зоны. Тогда, выбрав соседний город, находящийся в американской зоне, полковник Грейвуд выяснил, кто является военным американским комендантом в этом городе. Оказалось, что этот пост занимает полковник Джемс Нортон.

Грейвуд связался с Нортонем по телефону и договорился с ним о встрече.

Джемс Нортон, ещё недавно командовавший танковым полком, а теперь изнывавший от скуки в немецком городе, где его оставили комендантом, по-видимому, искренне обрадовался и сказал, что с нетерпением ждёт приезда полковника Грейвуда.

– Выезжайте как можно раньше, полковник, – сказал он по телефону. – Очень рад, что вам пришла в голову мысль посетить эту немецкую дыру!.. Я прикажу в честь вашего приезда показать самых хорошеньких девочек в программе местного варьете... С нетерпением жду вас, коллега!..

Наутро, после визита немки-массажистки, полковник Грейвуд позавтракал, простился с фрейлен Эрной и выехал из Нюрнберга на восток.

Полковник Джеймс Нортон, невысокий, смуглый, подвижный человек средних лет, с весёлым, живым лицом, встретил Грейвуда радушными приветствиями на пороге своей роскошной виллы.

Он угостил коллегу превосходным коктейлем “Мотокар”, отличным завтраком и за столом рассказал Грейвуду массу забавных историй, связанных со своей деятельностью.

– Во всём виноват русский язык, – говорил Грейвуду Нортон, весело поблескивая тёмно-серыми, смеющимися глазами. – Дело в том, что я в прошлом изучал русский язык, когда служил в “Дженерал моторс”. Какой-то болван уверил меня, что наша фирма намерена завести широкие связи с Россией, – это было задолго до войны, – и я, представьте себе, развесил уши и решил изучать русский язык, втайне рассчитывая, что это поможет мне стать представителем “Дженерал моторс” в Москве... Одна хорошенькая русская эмигрантка – её родители удрали в Америку в первые годы революции – взялась меня обучать, и учительница мне так понравилась, что я стал делать недюжинные успехи... Ах, дружище, дело кончилось более чем печально: я, правда, изучил русский язык, но потерял свободу, женившись на своей учительнице. Сами понимаете, что, став её мужем, я получил возможность совершенствовать свои познания в русском языке. Первые два года нами спрягался глагол “люблю”, затем мы стали иногда поругиваться, разумеется, тоже по-русски. В общем, моя супруга родила мне двух превосходных парней, которые тоже начали лопотать по-русски... Вот посмотрите...

Нортон показал Грейвуду фотографию, на которой были изображены его жена, миловидная женщина со вздёрнутым носиком, и двое малышей, очень похожих на Джеймса Нортона.

– Простите, полковник, пока я не нахожу оснований для жалоб на русский язык! – галантно произнёс Грейвуд. – Скорее напротив... В чём же дело?

– В том, что меня запихнули в эту дыру, – ответил Нортон. – Генерал, узнав, что я владею русским языком и даже женат на русской, вызвал меня и сказал: “Полковник Нортон, вам придётся стать комендантом в этом городе, поскольку он находится на границе с советской зоной... Нам очень важно, чтобы наш комендант в этом районе владел русским языком, ему будет легче найти общий язык с соседями...”

– Чем же вы так огорчены, мистер Нортон? – снова задал вопрос Грейвуд.

– Тем, что рухнули мои надежды скоро вернуться домой, – ответил Нортон. – На заводах “Дженерал моторс” я работал много лет. Когда началась война, меня, как специалиста по танковым моторам, мобилизовали. Я кончил войну в качестве командира танкового полка, но теперь, видит бог, мне здесь нечего делать... Мне надоели немецкие олухи... Кроме того, я дьявольски соскучился по жене и ребятам... Если бы вы знали, мистер Грейвуд, как мне дьявольски хочется по утрам услышать наконец, как моя жена ворчит на меня по-русски!..

– Вы уже познакомились со своим русским соседом и коллегой? – спросил Грейвуд.

– Нет, он лишь недавно приехал, как я слышал. Но я обязательно нанесу ему визит. Говорят, что полковник Леонтьев тоже танкист...

– Его фамилия Леонтьев? – быстро спросил Грейвуд.

– Да, так мне говорили. Рассказывают, что с первых часов своего приезда он развил лихо-радочную деятельность. Впрочем, как говорят, все русские коменданты вообще занимаются странными делами – открывают магазины, больницы, заботятся о школах, утверждают программы варьете, раздают землю крестьянам... Эти русские – славные ребята и боевые солдаты, не понимаю, зачем им тратить силы на эту чепуху и заботиться о немцах, которые причинили им столько зла. Как только познакомлюсь с полковником Леонтьевым, прямо спрошу его об этом, как танкист танкиста, как солдат солдата... И, наконец, как муж русской – русского, – с улыбкой добавил Нортон.

– Любопытно было бы услышать, что он ответит на ваш вопрос, – сказал Грейвуд. – Я тоже не очень понимаю, в чём тут дело. Вернее всего, что это политика пропаганды коммунизма... Они завоевали часть Германии, а теперь хотят завоевать симпатии немецкого народа. Что ж, это не так глупо, мой дорогой Нортон, если говорить серьёзно...

– Но и не так умно, – быстро ответил Нортон. – Я лично убеждён, что немцам нельзя доверять. Немцы способны уважать только силу. Они любят исполнять приказ, и это действует на них гораздо лучше всех уговоров. Когда же их начинают уговаривать, они воспринимают это как свидетельство слабости и задирают нос...

Грейвуд внимательно посмотрел на своего собеседника. Как видно, этот Нортон был славным малым, храбрым солдатом, но ни черта не смыслил в политике. К сожалению, мысли о немецком народе, только что высказанные Нртоном, разделяли лица, занимающие гораздо более высокое положение, нежели этот полковник. Грейвуд тоже не любил немцев, но как умный человек понимал, что так примитивно судить о целом народе по крайней мере неразумно.

Однако, не желая вступать в откровенный разговор по этому поводу, полковник Грейвуд сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.